

БЕЛАЯ РАБЫНЯ

МИХАИЛ
ПОПОВ

Исторические
Приключения

Исторические приключения (Вече)

Михаил Попов

Белая рабыня

«ВЕЧЕ»

2007

Попов М. М.

Белая рабыня / М. М. Попов — «ВЕЧЕ», 2007 — (Исторические приключения (Вече))

Колониальная Ямайка. Блестяще выписанный колорит эпохи; изысканные любовные страсти в семействе губернатора на фоне непростых отношений англичан и испанцев. Авантюрный сюжет мастерски «закручивается» вокруг похищения белокурой благородной красавицы, на чью долю выпали и настоящая неволя, и предательство, и побеждающая все препятствия любовь...

© Попов М. М., 2007

© ВЕЧЕ, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Михаил Попов

Белая рабыня

Глава 1

Двадцать пять фунтов

В 1672 году, в конце сезона дождей, в гавани Порт-Ройяла бросил якорь трехмачтовый бриг «Девоншир» под командованием капитана Гринуэя. Профессией этого благородного джентльмена была торговля «живым товаром». На этот раз он доставил на Ямайку большую партию рослых сенегальских негров.

«Девоншир» был первой ласточкой в Карлайлской бухте после затянувшегося сезона бурь и ливней, поэтому истосковавшаяся по новым впечатлениям публика в большом количестве высыпала на набережную. Жизнь в такой глухой провинции, какой являлась во второй половине семнадцатого века любая колония в Новом Свете, не изобиловала развлечениями, поэтому окрестные плантаторы решили совместить приятное с полезным: покупку свежей рабочей силы для своих имений с возможностью вывести своих засидевшихся жен и дочерей в высшее местное общество.

Таким образом, набережная Порт-Ройяла в это утро представляла собой нечто среднее между невольничьим рынком и благородным собранием. Благо губернатор острова, полковник Фаренгейт, которого одинаково сильно раздражал вид и слишком большого количества кандалов, и слишком большого количества женских платьев, находился в трауре в связи с безвременной кончиной своей юной дочери и не покидал губернаторского дворца.

Комендант порта майор Боллард выделил для поддержания порядка целую роту солдат, так что молодые леди могли совершенно спокойно передвигаться между молчаливыми шеренгами черных невольников. Эти люди, замордованные вконец тяготами полуторамесячного плавания в тесных вонючих трюмах, были почти равнодушны к происходящему вокруг.

Капитан Гринуэй лично сопровождал наиболее влиятельных и состоятельных посетителей выставки «живого товара» и охотно давал все необходимые пояснения. В обычной своей «рабочей» жизни он одевался просто – кожаные штаны, кожаная же безрукавка да зеленая рубашка, но для таких случаев, как сегодня, имел он в запасе камзол не слишком устаревшего покроя, хорошо заштопанные чулки и более-менее расчесанный парик.

В тот момент, когда он объяснял местному провизору, доктору Шорту и его супруге что-то из области новых методов борьбы с желтой африканской лихорадкой, на набережной появилась очень любопытная парочка. Краем глаза заметив их, капитан извинился перед четой Шортов и поспешил навстречу вновь прибывшим. Это были мистер Биверсток, возможно, самый богатый человек к востоку от Наветренного пролива, и его дочь, черноволосая десятилетняя девочка с выразительным, красивым и сердитым личиком. Она уверенно шествовала впереди своего отца. Мистер Биверсток – полный, краснощекий, ленивый на вид человек – благодушно улыбался и охотно позволял собою руководить. С тех пор как умерла его жена, характер некогда жестокого плантатора смягчился, его взгляд на жизнь сделался несколько философическим, а единственным смыслом его существования стала дочь.

Лавиния росла ребенком в высшей степени незаурядным, создавалось такое впечатление, будто все решительные, твердые черты, присущие характеру отца в молодые годы, постепенно перешли к ней. Если бы она не настояла, мистер Биверсток ни за что не покинул бы своего кабинета на втором этаже с зелеными жалюзи. Дом этот стоял посреди роскошного парка в

северной оконечности города и уступал по своим размерам и великолепию – да и то не очень – только губернаторскому дворцу.

– Мистер Биверсток! – не слишком ловко щелкнул каблуками капитан Гринуэй. – Я к вашим услугам. И к вашим, безусловно, тоже, мисс!

– Ну, что ж, – зевнул ленивый богач, – покажите, что у вас тут. Негры?

Если бы он нуждался в приобретении новой рабочей силы, управляющие известили бы его или даже скорее сами приобрели все, что нужно, но он понимал: раз уж явился сюда, то придется терпеливо сносить услужливость этого негодяя.

– Прошу вас, – вежливо изогнулся Гринуэй, – начнем осмотр отсюда.

– Нет, – помотала хорошенькой головкой Лавиния, – мы начнем осмотр с другой стороны.

Хотя двигаться подобным образом было намного неудобнее, капитан выразил искреннее восхищение планом юной леди. Экскурсия сопровождалась всевозможными комментариями, забавными сведениями из жизни жителей тропической Африки, зачастую придумываемыми тут же на ходу бойким на язык работником. Лавиния, ради которой, собственно, и изливались эти речи, несколько раз досадливо косилась в сторону назойливого джентльмена. Казалось, что эта прогулка носит для нее не только развлекательный характер. Хотя, если разобратся, какой мог быть интерес у десятилетней девочки к толпе изможденных, закованных в кандалы и дурно пахнущих негров?

Когда большая часть «товара» была предъявлена и осмотрена, капитан, уже начавший испытывать легкую досаду от того, что все его ухаживания за семейством Биверстоков не приносят никакого результата, сказал, поправляя особенно надоевший ему локон парика:

– Итак, сэр?

Плантатор поморщился. Он прекрасно понимал, что столь исчерпывающие знаки внимания оказывались ему и его дочери только в расчете на то, что он сделает особенно солидные закупки. Мистер Биверсток не любил, чтобы кто-нибудь, кроме дочери, навязывал ему что-то. Он собирался спокойно и даже с некоторым злорадством обмануть ожидания этого грязного купчишки, но тут вмешалась Лавиния.

– Вот, – ткнула она смуглым пальцем между двумя ближайшими неграми.

Воспрянувший духом Гринуэй проследил за ее жестом. То же сделал и ее отец. Недалеко от трапа лежала бухта пенькового каната, на краешке которой примостилась белокурая девочка в сером холщовом платье.

– Это? – спросил капитан, и лицо у него изменилось. Тот факт, что объектом высокого внимания стала именно эта девочка, вызвало у него сложные чувства.

– Да, – спокойно подтвердила Лавиния. – Кто это?

Капитана Гринуэя трудно было смутить, но на этот раз он смутился. Ему невольно помог мистер Биверсток.

– Лавиния, почему ты решила, что эта девочка продается?

– Тем не менее она продается, господин капитан?

– Как вам сказать... Ну, в общем, да, – закивал Гринуэй. Он уже решил про себя, что все-таки не станет рассказывать о том, что девочка эта год назад была привезена его братом Гарри, тоже промышлявшим торговлей людьми, из весьма подозрительного путешествия в одну северную страну. Брат утверждал, что девчушка была подобрана умирающей на одном пустынном острове и в силу того, что так и не удалось выяснить, кто она и откуда, пришлось ее взять с собой. Зная своего брата Гарри, капитан Гринуэй не поверил ни единому его слову, но и не подумал допытываться, откуда и каким путем он эту девочку раздобыл и по каким причинам хочет от нее избавиться. Он решил: на что-нибудь эта белокурая сгодится. Можно будет, например, обучить ее работе по дому или чему-нибудь в том же роде. Но за год, проведенный в доме капитана, девчонка не выучила ни одного английского слова и категорически отказывалась что-либо делать. Никакие наказания не могли ее вразумить. И постепенно капитан скло-

нился к мысли ее продать. Нюанс тут был в том, что белого человека продать не так просто – легко можно было нарваться на слишком щепетильного или законопослушного покупателя.

Лавиния вплотную подошла к сидевшей. Та медленно встала, спокойно глядя юной плантаторше в глаза. Голубыми в черные. Эта молчаливая дуэль продолжалась довольно долго.

– Это дочь одного каторжника, – сказал капитан. – Я должен был доставить его сюда для продажи, но он сдох по дороге, так что эта девчонка...

Лавиния обернулась к отцу.

– Купи мне ее.

Капитан замолк, довольный тем, что ему не нужно продолжать эту неубедительную басню. Мистер Биверсток был человек и неглупый и опытный, он понимал, что капитан что-то утаивает, если уж не впрямую врет. Сомнение выразилось в хриплом покашливании.

– Папа! – В голосе маленькой черноволосой фурии прозвенело несколько гневных нот. – Папа, я хочу, чтобы ты мне ее купил!

– Н-да, – мысленно взвесив все «за» и «против» и понимая, что, если в конце концов эта сделка каким-нибудь образом окажется незаконной, основная часть вины ляжет на этого торговца рабами, плантатор сказал, внутренне уже склоняясь к тому, чтобы выполнить просьбу дочери:

– Дело в том, что мне еще ни разу не приходилось покупать рабов с белым цветом кожи...

– У Стернсов и у Фортескью, папочка, есть белые рабы. Ты разве не помнишь?

– Н-да, а как ее зовут? – снова обратился мистер Биверсток к капитану.

– Эй.

– Эй? Что это за имя?

– Она не откликается ни на какое другое – ни христианское, ни сарацинское, ни индейское. Мы сначала думали, что она вообще глухонемая.

Мистер Биверсток укоризненно повернулся к дочери.

– Вот видишь, немая.

– Нет, нет! – поспешил вмешаться капитан. – Мне кажется, что она просто не знает ни одного известного нам языка. Я пробовал обращаться к ней и по-французски, и по-испански, один матрос у меня знает арабский, другой – датский, но ни с кем она говорить не захотела. Между тем, могу поклясться, слух у нее в полном порядке.

– А что же ее отец, каторжник, он с ней на каком разговаривал?

Гринуэй заморгал быстро-быстро и стал смотреть в сторону. Впрочем, он чувствовал, что старик плантатор ловит его не всерьез, а как бы играя, как кошка с мышкой.

– Папа! – еще жестче и нетерпеливее сказала Лавиния.

– Ладно, – усмехнулся мистер Биверсток, довольный тем, что посадил эту корабельную крысу в лужу и показал, что Биверстока не проведешь, – ладно. Сколько вы хотите за нее получить?

– Ну... четыре фунта.

– Что?! Половину цены вот этого парня? – Биверсток энергично потыкал стеклом в потный, мускулистый бок ближайшего раба.

– Но она все же человек с белым цветом кожи, – ехидно заметил слегка оправившийся от смущения капитан.

– Это обстоятельство не в вашу пользу, – не менее ехидно сказал покупатель.

Преппирательства могли продолжаться еще довольно долго, если бы не настойчивость Лавинии. Вскоре белокурая, голубоглазая девочка по имени Эй была куплена плантатором Биверстоком для своей обожаемой дочери за три фунта и пять шиллингов.

Спустя две недели после описанных выше событий губернатор Ямайки полковник Фаренгейт ранним утром проснулся в своем кресле в искусственном полумраке роскошного кабинета. С тех пор как два месяца назад умерла от лихорадки его любимая дочь Джулия, соро-

капятилетнего губернатора мучила жестокая бессонница. Он даже не пробовал ложиться и коротал ночи в кресле за чтением старинных книг, приводил в порядок многолетнюю личную переписку. Дворецкий, старый мулат Бенджамен, бесшумно появлялся в кабинете с новой свечой, когда огарок предыдущей начинал чадить и потрескивать.

Узкие полосы света, пробивавшиеся сквозь деревянные жалюзи, лежали на воощенном паркете, попискивали ярkokрылые альтависты в кронах деревьев за окнами. Губернатор протянул руку к колокольчику, стоявшему на столе рядом с бронзовым подсвечником, изображавшим охотящуюся Артемиду. Рядом стоял второй, выполненный в форме спасающегося бегством Актеона. Эту бронзовую пару подарила полковнику Фаренгейту жена, умершая пять лет назад от той же самой болезни, что унесла недавно дочь. Он не убирал их со стола, хотя смотреть на них ему было тяжело.

Губернатор позвонил. Мелодичный, приятный и какой-то одинокий звук разнесся в сонном воздухе дворцового утра.

Дворецкий явился мгновенно.

– Бенджамен, пошли кого-нибудь, пусть пригласят ко мне мистера Хантера.

– Осмелюсь доложить, милорд, мистера Хантера нет сейчас в Порт-Ройале.

– Где же он?

– Мистер Хантер вышел на «Мидлсбро»...

– Да-да, я вспомнил. – Губернатор встал. – Умываться, Бенджамен.

Через двадцать минут, освежившись, переодевшись, полковник Фаренгейт велел заложить коляску и подать ему его плащ. Несколько слуг бросились выполнять приказания. Только Бенджамен понял, о каком именно плаще идет речь, и лично направился в дальнюю гардеробную. Об этом плаще в прежние времена среди слуг ходило немало рассказов. Говорили, что он оберегал спину полковника еще в те времена, когда он не был полковником и даже не состоял на королевской службе, а бороздил моря под вольным флагом рыцарей берегового братства. Тому минуло минимум десять лет, и многое в этих историях, охотно рассказываемых также во всех тавернах и кабаках и к востоку и к западу от Наветренного пролива, стало напоминать сказку или легенду. А люди, новые в этих местах и познакомившиеся с его превосходительством губернатором Ямайки недавно, лишь недоверчиво улыбались, когда их пытались уверить, что этот благородный, сдержанный, справедливый и образованный джентльмен когда-то носился по палубе с абордажной саблей в руке, выпивал зараз полбочонка рому и привязывал пленных испанских купцов к жерлам заряженных пушек, добываясь таким образом сведений о припрятанных богатствах.

Бенджамен, перешедший вместе со своим хозяином в эту новую жизнь из той легендарной и видевший все своими глазами, теперь уже и сам иногда сомневался: а было ли все это? Может быть, и он сам, барбадосский мулат по имени Бенджамен, прослужил всю жизнь дворецким в этом элегантном и уютном дворце, а не был выкуплен пятнадцать лет назад из колодок на невольничьем рынке на Тортуге капитаном Фаренгейтом? И только когда старый слуга брал в руки этот простой шерстяной, местами заштопанный, местами прожженный пороховыми искрами плащ, его память стряхивала с себя наваждение сонной жизни и юношеское волнение заставляло трепетать сердце двухсотпятидесятифунтового гиганта.

Прежде чем покинуть дворец, губернатор, осторожно ступая квадратными каблуками своих башмаков по узорному паркету, подошел к двери, за которой спал его сын Энтони. Дверь была слегка приоткрыта, и было видно, что мальчик разметался на простынях.

– Сегодня он спал спокойно?

– Да, милорд.

Они спустились во двор, коляска была уже готова.

– Прикажете сопровождать вас, милорд?

– Не надо, Бенджамен, пусть кто-нибудь из грумов.

Порт-Ройял располагался уступами на склонах невысоких гор, поросших мангровыми зарослями. От ворот губернаторского дворца вниз к набережной спускалась извилистая дорога, присыпанная белой пылью. Его превосходительство велел доставить себя к собору святого Патрика. Вслед за коляскою, запряженной парой мулов, трусили четверо рослых негров в белых штанах, с мушкетами – что-то среднее между свитой, положенной по чину, и охраной, которая была скорее обременительна, чем необходима.

Настоятель собора отец Джонатан встретил губернатора вежливой улыбкой. Старый ирландец знал, что полковник появляется в его духовной вотчине, когда душа требует облегчения, но нуждается для этих целей не в беседе с Богом или с ним, отцом Джонатаном, а в помощи церковного сторожа Стенли Доусона, с которым он, по слухам, полтора десятка лет назад занимался на просторах Карибского моря делами отнюдь не богоугодными.

– Рад вас видеть в добром здравии, – пропел святой отец, рассматривая лицо высокого гостя. Оно никогда не отличалось здоровым румянцем, а теперь и вообще напоминало посмертную гипсовую маску.

– Здравствуйте, святой отец. Как вы уже, наверное, поняли, мне нужен этот бездельник Доусон.

Настоятель развел руками.

– Вы, наверное, еще не слышали. Дело в том, что у нашего сторожа прорезался проповеднический дар.

– Что вы имеете в виду?

– Именно то, что сказал. Он заявил мне с неделю назад, что ему явился святой Франциск и в результате переговоров с ним Стенли понял, что должен оставить свои обязанности, надел рубище, взял в руки суковатую палку и отправился в сторону Армстоуна – хочет нести слово Божье неграм на плантациях Стеффенса и Фортеस्कю.

– Вряд ли им это понравится.

– Неграм?

– Плантаторам.

Святой отец вежливо улыбнулся.

– В свое время он неплохо прокладывал курс моего корабля, – проговорил негромко, как бы про себя, его превосходительство, – посмотрим, как он теперь будет предводительствовать заблудшими душами.

Настоятель воздержался от комментариев.

Губернаторский кортеж направился к трактиру «Золотой бушприт». Его появление под сводами этого заведения с совершенно испорченной репутацией произвело переполох, впрочем, не чрезмерный. Очень не часто, но, можно сказать, регулярно его превосходительство имел обыкновение здесь появляться, чтобы пообщаться с хозяином Бобом Боллом. Встретила полковника жена хозяина заведения, Ангелина, ни обликом, ни характером не соответствующая своему имени тетка. Она, как и настоятель собора Святого Патрика, изучила привычки губернатора. Она знала, что его появление в трактире свидетельствует о том, что на душе у него неспокойно, но при этом для лечения внутренних ран ему требуется отнюдь не ром, а старый товарищ Бобби, бессменный боцман капитана Фаренгейта.

– Здравствуй, Ангелина.

– Здравствуйте, ваше превосходительство.

– Почему мой старый друг меня не встречает?

– Позавчера его петух Ястреб победил Красного Дьявола, и Бобби решил на радостях уничтожить все запасы спиртного на Ямайке, можете спуститься в подвал и поговорить с ним, только не думаю, что это доставит вам удовольствие.

Губернатор мрачно кивнул, надел шляпу и медленно вышел из трактира. Так же медленно и как бы с трудом поднялся в коляску.

– Итак, – сказал он сам себе негромко, – один изменил мне с морем, другой с Богом, третий с ромом.

– Что вы сказали, хозяин? – обернулся грум.

– Едем домой.

Коляска покатила по набережной, вызывая некоторый интерес у редких зевак. Мулаты вскочили с корточек и затрусили следом.

– Стой! – вдруг сказал вознице полковник, выпрямляясь на сиденье. – Ты знаешь дорогу к дому Биверстоков?

– Конечно, хозяин, такой красивый дом.

– Я чрезвычайно рад вашему визиту, милорд, – сказал мистер Биверсток, поднимая бокал с портвейном и любезно улыбаясь гостю. Он лгал; дело в том, что он был скорее удивлен тем, что губернатор сидит здесь, у него, на его мраморной террасе под навесом из пальмовых листьев. В дружеских отношениях они не состояли, и приглашения, которые богатейший плантатор острова посылал первому лицу колонии, носили скорее характер актов вежливости, чем проявлений искренней приязни. Хотя поводов для взаимного недовольства или недоверия между двумя самыми значительными гражданами Ямайки не было. Так что формально в визите губернатора не было ничего странного.

То небольшое таможенное дело, ради которого полковник Фаренгейт якобы навестил мистера Биверстока, было давно улажено, и теперь два джентльмена отдавали должное великолепной индейке под ореховым соусом. В основном отдавал должное хозяин – он всегда был большим охотником выпить и закусить. При этом он еще умудрялся поддерживать беседу. Его превосходительство едва следил за болтовней плантатора, время от времени кивая, но почти всегда невпопад. Причиной его рассеянности было отнюдь не пренебрежение к собеседнику, а небольшая стайка детей, резвившихся на лужайке невдалеке от террасы.

– Дети племянницы, приехали с матерью погостить с Барбадоса. Слишком они развеселились. Слокам, – сделал мистер Биверсток знак лакею, – передай мисс Лавинии, что эти крики нам мешают.

– Нет, нет, – быстро сказал полковник, – не надо, Слокам. Ничуть они нам не мешают. Давайте лучше выпьем, Биверсток. И скажите мне, что это за девочка, вон та, с белыми волосами?

– А-а, – недовольно протянул плантатор, отхлебывая из своего бокала, – как вам сказать...

Он был недоволен собой за то, что не придумал заранее подходящей версии для подобного случая. Хотя, с другой стороны, почему он должен напрягать свою голову из-за этой дурацкой девчонки?! Кто мог знать, что губернатор заинтересуется такой мелочью, как она? Кто мог знать, что губернатор вообще приедет сюда? Сказать, что она дочь племянницы, – смешно, уж слишком она отличается от них всех. Сказать, что прислуга, но тогда почему она играет с господскими детьми? Говорить правду – что она была куплена как игрушка для Лавинии – не хотелось. Всем был известен щепетильный характер губернатора. Как и все бывшие грабители и убийцы, он был слишком законопослушен. До каких-то серьезных неприятностей история с этой девчонкой вряд ли может дойти, но все же как-то неловко.

Пока Биверсток перебирал эти мысли, полковник следил за тем, как развивается игра. И чем дальше, тем эта игра нравилась ему все меньше... Белокурая девочка, опустив руки, стояла в траве, а вокруг прыгали, кричали, размахивали руками пятеро или шестеро детей племянницы во главе с Лавинией. Время от времени они дергали белокурую девочку за рукав или за край платья, а то и за локон. Это развлечение – чем дальше, тем больше – напоминало обыкновенную травлю. Причем девочка с белыми волосами не плакала, не огрызалась и лишь время от времени оглядывалась на самых агрессивных шалунов. В лице ее не выражалось ничего, хотя бы отдаленно свидетельствующего об испуге.

– Жулик этот, с «Девоншира», что-то около месяца назад заходил к нам в Порт-Ройял.
– Работоторговец?
– Он.
– Ну и что?
– Ну и среди прочих, среди негров, сидит, смотрю, плачет. Гринуэй сказал, что это дочка какого-то каторжника. Ну и пожалел я сироту.
– Он продал ее вам?
Биверсток покашлял.
– Я подумал, что так будет лучше. Что ей делать на корабле этого мужлана? А тут еще Лавиния к ней привязалась.
– Это заметно, – негромко сказал полковник.
– Что вы говорите?
– Что ваша дочка очень живой ребенок.
Ватага разгоряченных детей оставила белокурую девочку в покое и понеслась к цветнику, где старый слуга Томас седлал седогривого пони.
– И что самое интересное, милорд, она оказалась немой.
– Немой?
– Или по крайней мере ее нельзя научить ни одному цивилизованному языку.
– Интересно.
Девочка словно почувствовала, что говорят о ней, повернула голову и посмотрела в сторону террасы под пальмовым навесом.
– Мой Томас, вот он, у цветника, – продолжал плантатор, – вот он у меня большой мыслитель. Он говорит, что у его племени, там, в Африке, есть поверье, что обезьяны не разговаривают только потому, чтобы их не заставили работать.
Биверсток расхохотался собственным словам, с трудом удерживая во рту одобренную портвейном индюшатину.
– На обезьяну она не похожа.
– Но работать не хочет. Ничего нельзя заставить сделать, ну просто ничего.
Губернатор встал (он, кстати, сидел за трапезой, не снимая своего плаща, что выглядело странно в такую жару) и направился прямо к девочке, о которой только что шел разговор. Она продолжала одиноко стоять посреди лужайки. Она ни одним движением не показала, что на нее производит хоть какое-то впечатление приближение высокого мужчины с бледным лицом в богатом черном камзоле и черном ветхом плаще.
Хозяин встал и автоматически последовал за гостем в некотором отдалении с полным бокалом в руках.
Дети, гладившие пони и досаждавшие старому Томасу глупыми вопросами, тоже заметили, что происходит. Маленькой толпой, тихо шушукаясь, они со своей стороны приблизились к месту общего интереса.
Несколько секунд полковник Фаренгейт внимательно всматривался в лицо девочки. Досада из-за бездарного и ненужного визита к этому лукавому обжоре перестала его терзать. Он тихо спросил:
– Как тебя зовут?
– Елена.
Надо ли говорить, что и мистер Биверсток, и дети, и старый Томас остолбенели, окаменели, потеряли дар речи. Трудно сказать, сколько могло бы продолжаться это оцепенение, если бы его превосходительство губернатор не повернулся к хозяину и не спросил:
– Сколько вы за нее заплатили?
Плантатор поднял брови, выпятил губы, отвел в сторону руку, но сказать так ничего и не успел. Лавиния, стоявшая несколько в стороне, громко и безапелляционно заявила:

– Двадцать пять фунтов.

Глава 2

Лучшая подруга

Осторожно ступая по каменистому дну, лошади перебрались через неглубокий ручей и стали шагом подниматься по пологому склону, местами поросшему кустарником.

Мисс Элен ехала немного впереди, изящно откинувшись в дамском седле. На ней были белая амазонка и белая же широкополая шляпа. У самой вершины холма она остановилась, образовав на мгновение вместе со своей лошастью романтическую и величественную конную статую.

Энтони невольно залюбовался ею и несколько секунд не решался приблизиться, чтобы не нарушить это внезапное одиночество.

С того места, где остановилась мисс Элен, открывался впечатляющий вид: и Порт-Ройял с белыми домами, зелеными крышами, и гавань с игрушечными корабликами, и проплешины гигантских мелей слева от форта, и мреющие в сиреневой дымке водные дали. Элен глубоко вздохнула и, не оборачиваясь к брату, спросила:

– Так ты не ответил мне, Энтони, ты пойдешь сегодня на эту вечеринку?

– Ты говоришь так, как будто тебе этого не хочется.

– Дело совсем не в этом... – Элен слегка прикусила верхнюю губу, что свидетельствовало о сильном раздражении. – Я просто хочу знать точно – да или нет. Я хочу успеть как следует причесаться.

Энтони пожал плечами.

– Лавиния – твоя лучшая подруга, а ты готовишься к походу к ней в гости, как к сражению.

– Не говори глупостей, Энтони. Лавиния действительно моя ближайшая подруга, и поэтому мне не хотелось бы своим затрапезным видом испортить ей праздник. Ты же знаешь, какое для нее значение имеют подобные вещи.

– Будь по-твоему. У вас, женщин, всегда какие-то сложности на пустом месте.

Элен опять прикусила губу.

– Тем не менее ты мне так и не ответил.

– Да, поеду. Хотя... – Энтони зевнул. – Не сказал бы, что горю желанием.

– Тогда я тебя не понимаю. Ведь все так просто: если не хочешь – откажись.

– Ну ты же знаешь, – тихим внушающим голосом заговорил брат, – что это уже далеко не первое приглашение и отказываться долее просто невежливо.

– А-а, значит, дело только в этом? – иронически усмехнулась сестра. – Знак вежливости. Сын губернатора, перебарывая отвращение, пытается удержаться в рамках приличий.

Юноша закатил глаза и выразительно помотал головой.

– Послушай, Элен, я что-то не пойму, ты мне уже четверть часа треплешь нервы, и все из-за такого пустяка, как прическа. Это, наконец, смешно.

– Ах, тебе уже смешно?!

Энтони всегда пугался, когда сестра начинала говорить таким тоном.

– Ну, хорошо, хорошо. Если ты не хочешь, чтобы я ехал к Лавинии, я не поеду. Не понимаю, почему этого не следует делать, но подчиняюсь твоему капризу.

– Не смей так со мною разговаривать!

И без того наследственно бледное, как и у отца, вытянутое лицо юноши побелело совершенно. Он нервно поежился в седле, и его жеребец заволновался под ним.

– Ну и характер у вас, мисс, должен вам заметить.

– А я никого силой возле себя не держу.

Чем сильнее трясло Энтони от справедливого гнева, тем спокойнее он старался говорить.

– Считаю своим долгом вас известить, мисс, что собираюсь сегодняшний вечер провести в обществе небезызвестной вам красавицы Лавинии Биверсток. Так что не считите за труд известить сэра Фаренгейта, что ждать меня к обеду не следует.

Закончив эту речь, юноша стал выбирать поводья, намереваясь развернуться и гордо и решительно покинуть холм, где состоялась эта бессмысленная, но серьезная, как ему показалось, ссора. Но сестра его опередила. Энтони еще не успел развернуться, а ее вороная кобылица уже рванула куда-то вправо, через мгновение белая амазонка мелькала в полусотне ярдов между валунами и колючими кустами мексиканского остролиста.

– Понесла! – крикнул кто-то из слуг.

– Элен... – прошептал брат и, не раздумывая, ринулся следом. Слуги кое-как поспешили следом.

Погоня за ошалевшей лошастью по склонам густо заросших и изъеденных кротовыми норами холмов была делом рискованным. Первой же встречной веткой у Энтони сорвало шляпу. Копыта его жеребца то грохотали по каменистым валунам, то вязли в мягком после недавнего дождя красноземье. Белая амазонка мелькала впереди все реже. Слуги отстали, их лошади не могли тягаться с лошадьми хозяев. В один из моментов нервной, лихорадочной скачки Энтони показалось, что он окончательно потерял сестру из виду. Он остановился, поднял своего жеребца на дыбы и повернулся на месте, оглядываясь. От мысли, что с Элен что-то случилось, волосы вставали дыбом. Нигде не видно! Он проскакал еще ярдов сто и вдруг слева по курсу увидел Лауру, вороную кобылу Элен. Одну, без всадницы! В висках застучало. Что-то про себя причитая, Энтони рванулся через какие-то цепкие заросли, раздирая мундир, прямо к ней.

Элен лежала навзничь на траве, разметав руки. Рядом валялась широкополая шляпа. Белокурые волосы элегантно рассыпались по точеным плечам. Энтони спрыгнул с коня. Даже сквозь сильнейшее волнение у него пробивалась мысль: никогда не замечал, как она прекрасна! Он присел с ней рядом, прижался ухом к левой стороне корсажа. Сердце билось. На голове – он погладил ее – не было заметно никаких ссадин.

– Элен, – негромко позвал он, – Элен.

Сознание не спешило к ней возвращаться. Энтони оглянулся, не зная, что в этой ситуации следует предпринять. Он очень боялся чем-нибудь навредить. И потом сестра не выглядела нуждающейся в какой-то особой помощи. То состояние, в котором она пребывала, напоминало тихий, спокойный сон. Энтони готов был, охраняя его, просидеть здесь сколько угодно – хоть день, хоть год.

В длинных, поразительно светлых волосах Элен (они не потемнели с возрастом, как это часто случается) изящно запуталось несколько листьев и травинок. Молодой лейтенант осторожно высвободил их.

За этим занятием и застали его подоспевшие наконец слуги.

– Как она чувствует себя? – утром следующего дня спросил Энтони у Тилби, молодой бойкой ирландки, камеристки мисс Элен.

– Ей немного лучше. Доктор Хаусман прописал холодные примочки и полный покой.

– Можно... Можно мне ее видеть?

– Я сейчас узнаю, сэр.

Тилби, крайне удивленная неуверенностью лейтенанта, нырнула в комнату госпожи. Молодой офицер стал прохаживаться по коридору перед запертыми дверями, щелкая каблукками. Служанки не было довольно долго, отчего волнение Энтони усилилось. Наконец Тилби появилась. Выражение лица у нее было озабоченное.

– Ну, что?

– Только ненадолго, мисс Элен еще трудно разговаривать. Доктор Хаусман сказал, что ей нельзя волноваться.

Энтони присел на низенький пуф рядом с постелью сестры. Она полулежала на высоких шелковых подушках, волосы ее были опять распущены и великолепно расчесаны. И он снова подумал, как они ей к лицу.

– Я не спал всю ночь, сестрица. Я виноват перед тобой, не знаю, как это могло получиться. Я могу только молить о прощении, я...

Элен, слабо улыбнувшись, подняла с покрывала тонкую белую руку, прерывая извинения брата.

– Забудем об этом. Расскажи лучше, как прошел вечер у Лавинии.

– А я почему знаю?

– То есть ты не поехал?

– Разумеется. Мог ли я развлекаться в тот момент, когда моя сестра находится в таком опасном состоянии, да еще к тому же по моей вине.

По лицу Элен пробежала мгновенная тень легкого неудовольствия.

– Ради сестры ты готов на многое.

Энтони удивленно замер, недоумевая, чем он не угодил на этот раз. Чтобы не ляпнуть что-нибудь не то, он попросту молчал. Но этой паузе не суждено было затянуться. В комнату вбежала Тилби и сообщила, что прибыла мисс Лавиния и просит принять ее немедленно.

– Проси.

Энтони встал в явном смущении.

– Что с тобой, братец?

– Не стану вам мешать, двум лучшим подругам есть, наверное, о чем поговорить.

– Какой ты странный, почему тебя так разволновало то, что меня приехала навестить мисс Биверсток, известная красавица и богачка?

– Ты меня не так поняла.

– А как тебя понять – ты ничего не говоришь.

Двери распахнулись, в комнату решительным шагом вошла Лавиния. На ней было платье из серого шелка с черными кружевами на корсаже, на матовой шее светилась нитка картахенского жемчуга. Она улыбалась.

– Энтони, вы здесь, как мило, – слегка вспыхнула гостья, но быстро овладела собой. – Что наша больная?

Элен попыталась сделать хотя бы отчасти страдающее выражение лица, но ей это не слишком удалось, она выглядела скорее напряженной и собранной, чем разбитой.

Лавиния, шурша юбками, заняла пуф, с которого только что встал Энтони, и взяла белую, можно даже сказать, бледную руку Элен в свои ладони. Мисс Биверсток тут же пожалела об этом своем порыве. Благородная бледность бывшей рабыни была предметом ее давнишней и сильнейшей зависти. Ей, дочери и внучке плантатора с Антильских островов, досталась по наследству оливкового оттенка смуглость, приводившая ее в отчаяние, особенно в такие моменты, как сейчас, когда возникла возможность для невыгодного сравнения.

Элен, словно почувствовав жгучие токи, исходившие из пальцев подруги, осторожно высвободила свою кисть и спрятала ее под одеяло. Лавинию это задело, хотя она и попыталась этого не показать.

– Я очень рада – ты выглядишь совсем неплохо.

– Извини, Лавиния, я невольно испортила тебе праздник.

– Какие пустяки. Ты ведь могла разбиться! А праздник... праздник мы всегда сможем повторить.

– В здешнем климате лошади просто сходят с ума от духоты, – счел нужным вставить слово Энтони. Вслед за этим он откланялся.

– Признаться, вчера я откровенно скучала. Что мне все эти напыщенные дураки, когда нет вас с Энтони. Если бы не обязанности хозяйки, я бы все бросила и примчалась к твоей постели.

Элен заставила себя улыбнуться.

– А куда это так торопливо удалился наш блестящий офицер?

– Известие о твоём появлении его сильно смутило, – опустил глаза, медленно произнесла больная.

– Это он тебе сказал?! – вспыхнула Лавиния.

– Нет, мне самой так показалось.

Лавиния порывисто встала и, теребя смуглыми пальцами нитку жемчуга у себя на груди, прошлась по комнате. Было видно, что она хочет о чем-то спросить, но не решается...

– Ну, ты выполнила мою просьбу? Ты поговорила с ним?

Элен по-прежнему не поднимала глаз.

– Как раз вчера я собиралась сделать это. И если бы лошадь не понесла...

Лавиния снова присела рядом с постелью подруги.

– Элен, ты же знаешь, после смерти отца у меня нет более близкого человека, чем ты. Ты должна мне помочь, мне больше не на кого рассчитывать. Я люблю его, люблю давно. И с годами все больше. Но он ни о чем, конечно, не догадывается.

– Мужчины вообще не слишком догадливы.

– Во всем виновата моя проклятая гордыня. Я поставила себя на такой пьедестал, я окружила себя таким холодом, что ему в голову не приходит, как пылает мое сердце. Я не могу открыться ему сама, ты должна это понять.

– Это я понимаю.

– Я клянусь свой характер, но ничего не могу с ним поделать. Только ты мне можешь помочь, только ты – его сестра. Обещай мне!

Элен тихо вздохнула.

Больная подняла на подругу измученный взгляд. От Лавинии, разгоряченной этим разговором, черноволосой, великолепной, исходил поток горячей, угрожающей энергии. Лишь слегка наклонившись вперед, она полностью подавила свою бледную, вдруг оказавшуюся такой изможденной подругу.

– Обещаешь?

– Обещаю, – одними губами прошептала Элен.

Энтони после странного, на его взгляд, разговора с сестрой направился в кабинет к отцу. Он, насколько мог, подробно восстановил в памяти вчерашний вечер и сегодняшнее утро, пытаясь отыскать причину необъяснимой раздражительности Элен. Ничего путного ему в голову не пришло. Ее нервность и язвительность были тем более удивительны, что совершенно не вытекали из логики характера. Никогда, даже в первые месяцы ее жизни здесь, в губернаторском дворце, когда у Энтони были еще слишком свежи воспоминания о недавно умершей Джулии и ему не хватало великодушия и сдержанности, чтобы скрыть это, так вот, даже тогда, осыпая градом колкостей и завуалированных упреков, Элен держала себя по отношению к нему ровно и дружелюбно, понимая причину его неприязни к себе.

Что за муха укусила ее теперь? Может быть, ее неудовольствие направлено на всех, а не только на него? «Надо бы это проверить», – думал Энтони, входя к отцу.

Сэр Фаренгейт отреагировал на появление сына едва заметным кивком, он изучал только что прибывшие из метрополии бумаги, и на его лице довольно выразительно рисовалось отношение ко всем этим сухопутным морякам из Уайтхолла. Полковник заметно постарел за последние восемь лет, лицо его еще как бы слегка вытянулось, глаза стали еще холоднее и глубже. К тому же он полностью поседел.

Несмотря на то что в связи с этими столичными бумагами его одолевали довольно неприятные чувства, он тем не менее заметил, что Энтони несколько не в себе, чем-то сильно удручен и явно зашел посоветоваться. Молодой человек пересек огромный ковер, занимавший середину кабинета, постоял у книжных шкафов, пощелкал складной подзорной трубой, складывая и раздвигая ее. Сэр Фаренгейт делал вид, что все еще интересуется нелепыми заморскими увлечениями, давая сыну возможность заговорить самому. Если начать у него вытягивать слова, он может впоследствии пожалеть о своей откровенности.

– Ты знаешь, папа...

– Да, я слушаю тебя.

– Понимаешь... – Энтони еще раз с хрустом сложил подзорную трубу. – Я хотел вот что у тебя спросить...

– Спрашивай.

– Ты в последнее время ничего странного не заметил в поведении Элен?

– Что ты имеешь в виду?

– Она стала нервной, все время норовит со мной поссориться. Причем без всякой причины.

– Когда это началось?

– С полмесяца назад. Вчера, например, мы беседовали о приглашении на музыкальный вечер к Биверстокам; она и сама ехать не хотела и, судя по всему, не хотела, чтобы ехал я. Но при этом она как бы все время подталкивала, чтобы я туда поехал.

– Может быть, у них ссора с Лавинией?

– Нет, папа, она все время твердит, что Лавиния ее лучшая подруга, и запрещает мне отзываться о ней неуважительно. Да она и сейчас у Элен. Щебечут.

– Лучшая подруга, – тихо повторил полковник, откидываясь на спинку кресла.

– Можно было бы подумать, что она обиделась за нее. Только зная щепетильность Элен, я ее драгоценную Лавинию стараюсь даже намеком не задевать, наоборот, восхищаюсь ее красотой и другими достоинствами.

– А ты не пробовал просто объясниться с Элен? Правда в отношениях с женщиной – самый короткий путь, но почти всегда самый безнадежный. Будь это сестра или даже мать.

– Она все принимает в штыки. Такое впечатление, что я стал ее врагом или она узнала обо мне что-то ужасное.

Отец и сын немного помолчали. Утреннее солнце играло на корешках книг, на бронзовом плече агрессивной Артемиды, на золоченом форштевне небольшой модели парусника – первого и незабываемого корабля молодого капитана Фаренгейта.

– Насколько я знаю, ты завтра на «Саутгемптоне» идешь на Тортугу?

Энтони молча кивнул.

– Если разлука лечит любовь, то и на эту небольшую размолвку она должна как-то повлиять. Будем рассчитывать, что благоприятным образом.

Энтони снова молча кивнул.

На следующий день сэр Фаренгейт вместе с дочерью – достаточно уже оправившейся от своего падения – отправились провожать Энтони в плавание. Это было семейной традицией, неукоснительно соблюдавшейся, хотя бы плавание представляло собой ничем не примечательный рядовой рейд.

Разумеется, явилась и Лавиния, а с нею еще несколько приятелей и приятельниц. Если бы она явилась одна, это выглядело бы и странно, и вызывающе. К счастью для нее, оставленные отцом богатства позволяли ей иметь при себе достаточное количество людей, готовых сопровождать ее куда угодно и когда угодно.

Таким образом, у сходней «Саутгемптона» образовалась небольшая великосветская толпа, служившая объектом соленых матросских шуточек.

Лавиния предприняла несколько попыток вступить в беседу с молодым лейтенантом, но помешало ей то, что он, во-первых, разговаривал с отцом, от которого получал приличествующие случаю наставления, а во-вторых, внезапное и острое желание Элен поблагодарить свою любимую подругу за принятое ею участие в ее (Элен) болезни. Преодолеть эти два препятствия юная плантаторша не смогла, несмотря на всю свою природную решительность.

Проклиная про себя внезапно прорезавшуюся чувствительность обычно столь сдержанной подруги, стараясь отвечать на ее страстные излияния хотя бы отчасти приятной улыбкой, Лавиния наблюдала, как лейтенант Фаренгейт поднимается на борт своего корабля. Таким образом, возможность для решительных действий откладывалась как минимум на две недели, что заставляло Лавинию, не привыкшую слишком долго ждать исполнения своих желаний, тихо содрогаться от ярости.

Когда Лавиния, искушав свои тонкие нервные губы (единственная часть облика, слегка нарушавшая общее совершенство), распрощавшись с Элен, отбыла домой, от оживления и говорливости Элен не осталось и следа. Она в молчаливой задумчивости уселась в коляску рядом с отцом. Свой зонтик она держала таким образом, что он совершенно не защищал от солнца, палившего уже со всей своей тропической беспощадностью. Коляска тронулась. Полковник, давший себе слово подождать с расспросами и вообще со всеми и всяческими разговорами до дома, не удержался.

– Ты напрасно так огорчилась, ничто ведь не мешает тебе навестить Лавинию хоть сегодня вечером.

Элен с нескрываемым удивлением посмотрела на отца.

– Я не понимаю, папа, о чем ты говоришь.

– Может быть, я ошибаюсь, но мне показалось, что расставание с братом огорчило тебя значительно меньше, чем прощание с подругой.

Элен несколько секунд изучающе рассматривала сэра Фаренгейта. Он не шутил. До нее постепенно дошло, что своим поведением на пристани она дала основания для подобных вопросов. Но говорить по существу она была сейчас не в силах даже с отцом, – человеком, которого она бесконечно уважала. И она применила обычный в таких случаях женский аргумент:

– Ах, папа, ты ничего не понимаешь!

Некоторое время они ехали молча, и только у самых ворот губернаторского дворца сэр Фаренгейт сказал:

– Ты знаешь, Элен, я человек не злопамятный, но о некоторых вещах предпочитаю не забывать никогда.

– Что ты имеешь в виду, папа?

– За сколько фунтов Лавиния в свое время продала тебя мне?

Элен глубоко вздохнула и отвернулась.

– Сейчас дело не в этом.

– Я был бы рад ошибиться, – сказал полковник, выбираясь из коляски.

Когда ярость Лавинии оттого, что ей не удалось напоследок поговорить с Энтони, начала стихать, она вдруг с удивительной отчетливостью поняла, отчего ей, собственно, это не удалось. Она вспомнила странное, суетливое поведение Элен. Чтобы она, воплощенное благородство, спокойствие и уравновешенность, рассыпалась в примитивных слащавых благодарностях?! Ах ты улыбчивая фея с голубыми глазами! За все годы знакомства Лавиния не могла вспомнить за ней привычки заискивающе заглядывать в лицо. Эта бывшая рабыня, купленная за три с небольшим фунта в толпе грязных сенегальских негров, всегда очень заботилась о своей осанке. Только чрезвычайные причины могли заставить ее так изменить стиль своего поведения. Она не хотела, чтобы ее «лучшая подруга» поговорила с ее братом. Она боялась,

что этот разговор принесет лучшей подруге успех. И этот пират-расстрига с нею, конечно, в сговоре.

– Ах ты дура! Дура! Дура! – Лавиния хлестала себя по щекам, стоя перед высоким венецианским зеркалом. Только такая дура, как она, могла забыть, что Элен и Энтони никакие не брат и сестра! За сколько эту белокурую дрянь продали тогда губернатору? Да, за двадцать пять фунтов. Только такая дура, как Лавиния Биверсток, могла выпустить всего лишь за пригоршню монет на волю из клетки свою будущую соперницу. Юная плантаторша снова яростно хлестнула себя по лицу.

Ну что ж, теперь по крайней мере все ясно. В этой истории не осталось тайн. Предпочтения и интересы определены. Главное теперь – не показать никому, особенно любимым Фаренгейтам, что их тайна перестала быть тайной. Пусть они продолжают считать, что беззаботная богачка Лавиния Биверсток пребывает в блаженном самоуверенном неведении.

Лавиния резко дернула за шнур, вошедшая по этому сигналу служанка, невольно посмотрев через плечо госпожи в зеркало, содрогнулась.

Глава 3

Ураган

– Не нравится мне все это, – сказал капитан Брайтон, невысокий сухощавый человек с птичьим лицом, на котором очень выделялись рыжие кустистые брови. Его недовольство легко было понять. Трехпалубный шестидесятипушечный красавец «Саутгемптон» беспомощно хлопал парусами без всякой надежды сдвинуться с места – штиль. Стояла душная жара. Журчала вода в шпигатах – вахтенные драили палубу.

– Не понимаю, почему вы так нервничаете, сэр, – сказал лейтенант Фаренгейт, освобождая верхнюю застежку мундира, – колонисты ждут нашего появления уже не первый месяц, и от того, прибудем мы сегодня или завтра, вряд ли что-либо изменится.

Лейтенант достал из кармана подзорную трубу и стал смотреть в ту сторону, где должен был, по расчетам, находиться остров Большой Кайман.

Капитан Брайтон фыркнул и тоже достал трубу и, демонстративно повернувшись к лейтенанту спиной, стал смотреть в противоположном направлении.

– То, что меня волнует, находится там, мой юный друг.

– Что вы имеете в виду, сэр?

– Видите вон ту серенькую полоску горизонта?

– Мне кажется, да.

– И как вы думаете, что это такое?

Лейтенант освободил еще одну застежку своего камзола, как будто это могло помочь ему думать.

– Неужели шторм?!

– И, боюсь, нешуточный. Нам бы только успеть убрать паруса. Боцман!

Через секунду на верхней палубе не осталось и следа от прежнего сонного царства. Впрочем, то же самое творилось и на всех остальных палубах. Матросам не нужно было долго объяснять, что такое надвигающийся шторм. Скрипели задраиваемые орудийные порты. Канониры орала на подчиненных, проверяя крепление пушек. Если хотя бы одна из них сорвется во время бури, кораблю – конец. По вантам с обезьяньей ловкостью карабкались сразу несколько десятков человек.

Капитан еще раз посмотрел в сторону приближающегося облака, теперь уже различного и невооруженным глазом.

– Пойдемте, лейтенант, пропустим по стаканчику хереса.

Энтони неуверенно оглянулся на суетящихся людей.

– Оттого, что мы останемся сейчас на палубе и будем ругаться или подавать советы, работа не пойдет ни быстрее, ни лучше.

Энтони последовал за своим начальником-фаталистом.

Через полчаса «Саутгемптон» оказался в самом центре водяной геенны. Команда сделала все возможное для того, чтобы достойно встретить удар стихии, но бывают случаи, когда любые человеческие усилия недостаточны для того, чтобы противостоять ей. Это был именно такой случай.

Переваливаясь среди черных водяных гор и облаков серо-желтой пены, скрипя всеми своими деревянными суставами, «Саутгемптон» терял по очереди мачты, ломавшиеся с пушечным грохотом, постепенно превращаясь в неуправляемую, обреченную посудину. Сорвавшаяся-таки с креплений кулеврина носилась по нижней пушечной палубе, сметая все на своем пути, калеча орущих от ужаса канониров.

Когда налетел первый порыв ветра, лейтенант сидел в кают-компании со стаканом в руке. Вторым порывом, уже несшим в себе какие-то деревянные обломки, были выбиты все стекла и сорвана с петель дверь. Орошаемый хлопьями холодной пены, лейтенант старался, может быть, из чувства самоутверждения держать стакан с хересом в вертикальном положении. Когда вдруг начала вздыматься противоположная стена кают-компании и на него из распахнувшихся стенных шкафов роскошными белыми стаями полетели обеденные сервизы, Энтони потерял сознание.

Очнулся он от холода. Не сразу понял, что лежит, но сразу догадался, что мокр до нитки. Впрочем, одежды на нем было немного: и башмаки, и мундир, и парик, и уж конечно шляпу присвоила стихия. Еще он понял, что вокруг темно. На мгновение мелькнула мысль – ослеп! Но тут же, слегка приподняв голову, понял, что видит. Всего в каких-нибудь десяти дюймах перед его глазами был различим стоящий сапог. Сапог этот резко приблизился и постучал Энтони по скуле. Окончательно очнувшийся, но еще очень ослабленный лейтенант пробормотал:

– Как вы смеете!

– Дик, да он жив! – послышался веселый, но неприятный голос.

– Поднимите его, ребята.

Уже через несколько секунд Энтони пребывал в сидячем положении. Оглядевшись, он обнаружил, что находится на песчаной отмели, что невдалеке начинаются какие-то заросли, что вечереет и что перед ним стоят несколько человек в кожаных куртках и высоких сапогах. И все они вооружены.

– Кто ты такой, парень? – спросил у Энтони один из них, видимо, старший, если судить по костюму. На нем был замызганный офицерский мундир. Из-под треуголки торчала черная просмоленная косица. – Когда я спрашиваю, то жду ответа!

Вслед за этими словами вожака один из парней, стоявших у Энтони за спиной, сильно хлестнул лейтенанта тростниковым прутом. Юноша вскрикнул не столько от боли, сколько от неожиданности и унижения – подобным образом наказывали рабов на плантациях.

– Как вы смеете! – прорычал он. – Я Энтони Фаренгейт, сын губернатора Ямайки!

Слова эти произвели на негодаев неожиданный эффект – они расхохотались.

– Чему вы смеетесь, скоты?! – крикнул лейтенант, пытаясь встать на колени и инстинктивно ощупывая правый бок в поисках шпаги. Разбойник снова занес над ним тростниковый прут, но вожак в офицерском мундире остановил его.

– Постой Дик, не спеши, нехорошо так обращаться с сыном самого губернатора Ямайки...

Сэр Фаренгейт ложился спать поздно, и потому Бенджамен рискнул побеспокоить его.

– В чем дело, старина?

– Милорд, может быть, это не мое дело, но мисс Элен плачет у себя в комнате.

Губернатор отложил книгу.

– Может быть, она напевает? Как тогда?

– Нет, милорд, я понимаю, что вы имеете в виду. Она не напевает.

В первые годы своей жизни в семье Фаренгейтов Элен, как правило по ночам, любила напевать песни своей далекой, труднопредставимой родины. Песни эти чаще всего были печальными и протяжными, отчасти напоминали женский плач. Понимая, что девочка тоскует о доме, полковник не препятствовал ей и всем велел сделать вид, что они не находят в этом ничего удивительного. Однажды, случайно застав ее за этим занятием, он спросил у нее, не хотела бы она вернуться домой. Ведь там, наверное, хорошо? Да, сказала Элен, там хорошо, лучше, чем здесь, там бывает холодно, там бывает снег, там едят другую, вкусную еду. Но вернуться туда она бы не хотела. Почему, удивился полковник. А просто некуда возвращаться, объяснила Элен, дом сожгли, всех родных убили. Кто сжег ее дом и убил родных, она расска-

зывать отказалась. С годами эти сеансы ночного пения становились все реже, пока не прекратились совсем. Неужели – опять?

Полковник взял со стола подсвечник с горящей свечой и отправился в комнату дочери.

Бенджамен не ошибся – Элен и не думала петь. Она встретила отца, размазывая слезы по щекам, шмыгая носом и комкая в руках мокрый платок.

– Извини меня за это странное вторжение, но я не мог удержаться, когда Бенджамен сказал мне, что ты плачешь у себя.

– Ну что ты, папа, хорошо, что ты пришел.

– Между нами давно нет никаких тайн. Мне было неприятно узнать, что моя дочь всю ночь рыдает напролет. Ты больше не доверяешь своему старому отцу?

– Нет, папа, нет тут никаких тайн. Просто я не хотела тебя волновать.

– Я все равно уже здесь и все равно волнуюсь. Рассказывай.

Элен еще раз вытерла платком глаза и шмыгающий нос.

– Просто я проснулась от страха за Энтони. Сначала я подумала, что мне это просто приснилось, но и наяву страх не проходил. Наоборот, он становился все сильнее, и тогда я не выдержала.

– Честно говоря, я не представляю себе, что может угрожать офицеру, находящемуся на борту шестидесятипушечного военного корабля.

Элен ничего не ответила, по ее щекам снова потекли слезы. Полковник, собиравшийся высмеять эти «девичьи страхи», передумал. Он прожил такую жизнь, которая не способствовала вере во всякого рода сверхъестественные и магнетические штуки, он готов был поклясться, что все приснившееся его дочери не стоит никаких слез, но вместе с тем ему стало чуть-чуть не по себе.

– Ладно, Элен, мы сейчас все равно не в состоянии выяснить, имеют ли какое-нибудь основание твои страхи и слезы. Подождем, когда Энтони вернется, и спросим у него, что с ним происходило вечером сегодняшнего дня. А пока тебе нужно выпить отвара иербалуисы и попытаться заснуть. Договорились?

Элен кивнула, хлюпая носом.

Только вернувшись к себе в кабинет и устроившись поудобнее в своем кресле, сэр Фаренгейт понял причину своего собственного волнения: ему показалась странной слишком горячая чувствительность сестры к судьбе брата. Самые любящие, самые самоотверженные сестры спокойно спят в такие ночи. Сердце старика застучало сильнее. Явно здесь возникло что-то сверх обычной родственной привязанности, и это обещает в будущем дополнительные неприятные или, может быть, опасные сложности.

И главное, не исключено, что с Энтони и в самом деле что-то случилось.

– Ну что же, молодой человек, давайте поговорим серьезно. Вы не против?

Энтони, связанный волосяной гватемальской веревкой, сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Напротив него за простым дощатым столом располагался говоривший – тот самый главарь в грязном офицерском мундире. На столе потрескивала простая сальная свеча.

У входа в помещение стояли двое бандитского вида парней с заткнутыми за пояс пистолетами и в косынках из красной бумажной материи.

За окнами звенели цикады в тропической ночи.

– Для начала позвольте представиться. Ваше имя мне известно, было бы невежливым скрывать в этой ситуации свое. Меня зовут Джерри Биллингхэм. Вам эти звуки ничего не говорят?

– Вы англичанин?

– Чистокровный. Но вас это не должно радовать. И если вы связываете свои планы на спасение с фактом моей национальной принадлежности, то зря. Я не нахожусь на службе у

короля Карла, богоспасаемого монарха моей далекой родины. Более того, я в свое время дезертировал с корабля, принадлежавшего флоту вышеуказанного короля.

– Ах, да... – Энтони вспомнил эту фамилию. – Судя по отзывам, которые мне довелось слышать, вы, мистер, первостатейный негодяй.

Биллингхэм захохотал с видимым удовольствием, показывая желтые прокуренные зубы. Пламя свечи заколебалось, громадные тени зашатались на стенах. Один из вооруженных людей, стоявших у входа, сделал угрожающий шаг в сторону пленника.

– Постой, Дик, какой ты все-таки нетерпеливый. Неужели ты не понимаешь, что это – не просто пленник, это – мешок с деньгами.

Дик глухо выругался, возвращаясь на место.

Слова Биллингхэма заинтересовали Энтони.

– Что вы имеете в виду, господин дезертир?

– Не будем темнить, дружище. Я имею в виду, что его высокопревосходительство губернатор Ямайки славится чадолубием. Поэтому сто, допустим, тысяч песо ему будет ничуть не жаль выложить за голову своего единственного, насколько мне известно, сына.

Энтони нервно пошевелился, пытаясь освободить скрученные за спиной руки. Но скоро понял, что связывали его профессионалы своего дела.

Биллингхэм между тем продолжал:

– Кроме того, известно не только мне, а повсеместно, кем был в свое время капитан Фаренгейт. Согласитесь, юноша, мне было бы просто неловко просить меньше ста тысяч со своего коллеги, хотя бы и бывшего.

– Грязная свинья!

Биллингхэм почесал небритую щеку.

– Вы знаете, связанному человеку не следует слишком уж развязывать свой язык...

– Ты еще будешь болтаться на виселице, я уже вижу веревку на твоей шее.

– Дик!

– Да, капитан.

– Что ты стоишь, каналья. Ты что, не слышишь, как оскорбляют твоего капитана?!

– Это же мешок с деньгами.

– Даже от мешка с деньгами я не собираюсь выслушивать ничего подобного!

Наконец сообразивший, в чем дело, головорез решительно шагнул вперед.

– Выбить ему зубы, сэр?

Биллингхэм грустно вздохнул.

– Достаточно будет завязать рот.

Рано утром следующего дня «Медуза», двадцатичетырехпушечный капер под командованием капитана Биллингхэма, вышел из глубокой извилистой лагуны, где он прятался от вчерашнего шторма. Небо было высокое и чистое, обычная в это время духота смягчилась. С трудом скрывая приятное возбуждение, капитан прогуливался по шкафуту, отдавая время от времени необходимые указания.

Энтони по-прежнему сидел связанный в той же самой каюте, где его накануне допрашивали. Мимо обшарпанного иллюминатора скользила зеленоватая вода Карибского моря. Изредка, когда корма приподнималась на волне, в иллюминаторе возникала линия горизонта. Лакей капитана принес на подносе завтрак. Он поставил его на пол, чтобы развязать пленнику руки и рот. Энтони пнул поднос босой ногой, чем вызвал приступ ярости у пирата. Юноше пришлось бы худо, не спустись следом сам капитан.

– Фрондируете? Напрасно. И потом, согласитесь, отказ от завтрака – это мелко.

Потирая руки, Биллингхэм сел за стол.

– А я вот с удовольствием поем. Дик, дружище, принеси мне то же, что ты приготовил для сына губернатора Ямайки.

Через несколько минут, с наслаждением уписывая жареную поросятину с печеной маниокой, общительный дезертир во всех подробностях излагал пленнику план, при помощи которого он собирался, не подвергая себя ни малейшей опасности, обменять драгоценного губернаторского сынка на ящик с сотней тысяч песо. При всей ненависти к этому грязному негодяю, кипевшей у молодого лейтенанта в груди, он не мог не признать, что план составлен отлично, в нем не было заметно ни одного слабого места. Отцу придется выкладывать деньги. Это было особенно неприятно признавать оттого, что Энтони лучше, чем кто бы то ни было, знал, что таких денег у полковника Фаренгейта нет. Дело в том, что нынешний губернатор Ямайки был не совсем обычный губернатор. И не только потому, что происходил из числа тех, с кем прежние губернаторы боролись насмерть. Его необычность была в другом – он так и не освоил простого искусства быть взяточником. И на золотом дне, которым, объективно говоря, являлась его должность, он ничего не собрал лично для себя.

Конечно, такому негодяю, как Биллингхэм, было бесполезно объяснять, что бывший пират Джон Фаренгейт живет со своим семейством исключительно на королевское жалование, а на воспитание дочери и сына потратил остатки сбережений, сделанных в свои прежние романтические годы, когда он занимал такое положение, где ему и не думали предлагать взятки.

Если бы только мог, Энтони попросил бы отца отвергнуть условия Биллингхэма. Этим бы отец избавил себя от унижительных поисков денег и оставил хитрую сволочь ни с чем. Впрочем, наверное, сэр Фаренгейт не стал бы слушать советов сына в этом деле.

Трудно сказать, что доставляло большее удовольствие господину шантажисту, поедание поросятины или смакование деталей отлично составленного плана. Во всяком случае, он огорчился, когда его оторвали от того и от другого. В каюту спустился его помощник, мрачный лысый толстяк, и что-то пошептал капитану на ухо. Поморщившись, Биллингхэм встал.

– Нашу беседу придется прервать, будем надеяться, что ненадолго, – сообщил он лейтенанту.

Когда они поднялись на шкафут, помощник ткнул пальцем влево от курса «Медузы».

– Испанец. Один.

– Ты обратил внимание, куда он движется?

– Обратил.

– Послушай, Фредди, и ослу понятно, что он идет не с золотом, а в лучшем случае за золотом.

– Правильно, – согласился толстяк, – иначе бы его как следует охраняли. Но на испанском корабле всегда есть чем поживиться.

Капитан был в раздумье. Вид его выражал неудовольствие.

– Пушек у нас больше, а людей по крайней мере не меньше. Ребята горят желанием. Мы слишком давно сушим весла, – настаивал помощник.

– Ты пойми, выкуп у нас почти в руках. Большие деньги.

– Это дело может растянуться на несколько недель, а тут все под руками и риск небольшой.

Помощнику трудно было возражать. «Медуза» выглядела значительно внушительнее испанца. Подойти к ним так, чтобы их пушки не помешали провести абордаж, – в этом ведь и заключается профессия корсарского капитана. А в рукопашном бою один джентльмен удачи стоит троих испанцев.

– Джонни! – крикнул Биллингхэм рулевому. – Положи руль к ветру. А ты, Дик, спустись и развяжи нашего юного друга, пусть понаблюдает, как мы это делаем.

Все в расчетах капитана, советах его помощника, предвкушениях его команды было верно. Они не учли только одного – что в дело может вмешаться случай. Когда корабли сблизались и деморализованные испанские батареи уже не были способны к залповому огню, а кор-

сары уже залегли вдоль фальшборта, держа наготове абордажные крючья, и ничто, казалось, не могло уже помешать тому, что должно было совершиться – яростной корсарской атаке и дикой последующей резне, – в этот момент совершенно случайное, панической рукой выпущенное ядро угодило в носовой пороховой отсек «Медузы».

После того как рассеялся дым оглушительного взрыва, стало очевидно, что абордажная команда и мушкетеры Биллингхэма превращены в кровавую кашу. Изувеченный остов пиратского корабля, двигаясь по инерции, медленно прислонился к красному борту галеона. Испанцы, воодушевленные случившимся, сделали все, чтобы не упустить предоставившийся им шанс. Они ринулись в атаку. Организовать сопротивление было некому. Биллингхэм валялся у грот-мачты на спине, придавленный обломком реи. Его помощник был вообще выброшен взрывом за борт. Энтони стоял, прислонившись спиной к мачте, замороженно наблюдая за тем, как, размахивая обнаженными шпагами и дымящимися мушкетами, на палубу пиратского корабля градом сыплются люди в желтых кирасах и касках. С ним происходило что-то вроде легкого обморока. Как во сне, перед ним разворачивались картины разрозненного пиратского сопротивления, крики и стоны раненых звучали как бы издалека.

Полностью он очнулся только в тот момент, когда к нему подошел высокий молодой испанский офицер, приставил к его груди острое шпаги и на хорошем английском сказал:

– Вы пленены, мистер.

Энтони поднял связанные руки и ответил:

– Второй раз за два дня.

– Позвольте представиться – дон Мануэль де Амонтильядо и Вильякампа. Чему вы улыбаетесь?

– Не сердитесь, дон Мануэль. – Энтони энергично разминал натертые волосяной веревкой запястья. – Эта ситуация напомнила мне некоторые обстоятельства вчерашнего дня.

– Я не вполне понимаю вас, сэр.

– Моя улыбка носит скорее философский характер. Капитан потопленного вами капера тоже представился мне самым учтивым образом, но лишь после того, как накрепко меня связал. Вы же для того чтобы сделать то же самое, сочли нужным освободить мне руки. При этом он был англичанином, вы же имеете честь быть подданным испанского короля.

Дон Мануэль кивнул в знак того, что оценил учтивость собеседника.

– И тем не менее с кем имею честь?

– Энтони Фаренгейт.

– Не родственник ли вы губернатору Ямайки?

– Я его сын.

– Даже до Европы доходят слухи о вашем отце.

Энтони слегка поклонился.

– Именно благодаря своему звучному имени я и оказался в том положении, в котором вы меня застали. Капитан Биллингхэм, надеюсь больше никогда с ним не увижусь, оценил крепость родственных чувств в семье Фаренгейтов в сто тысяч песо.

Повисла пауза, и чем дольше она длилась, тем меньше она нравилась Энтони.

Слуга внес горячий шоколад в серебряном кувшинчике.

– Может быть, вы предпочли бы стаканчик малаги? Впрочем, насколько я знаю, у меня здесь, на «Тенерифе», есть даже бочонок эля.

– Нет, спасибо, дон Мануэль.

Испанец улыбнулся.

– Вы, вероятно, думаете, что проговорились, упомянув об этих ста тысячах и навели меня на мысль закончить дело, начатое этим пиратом?

Энтони покраснел.

– Полно, сэр, успокойтесь, не все испанцы – алчные собаки, как принято у вас считать, и не для того я покинул Мадрид и Эскориал, чтобы перенимать ухватки местной мореплавающей швали.

Энтони покраснел еще гуще.

– Прошу простить, если я дал повод думать, что я подозреваю вас в подобных низостях.

– Я, разумеется, немедленно доставил бы вас к ближайшему английскому берегу, но я слышал о тех сложностях, которые все еще существуют в отношениях между англичанами и испанцами на здешних широтах, несмотря на давным-давно заключенный мир. К испанскому берегу, откуда вы могли бы дать знать своим родным, чтобы они прислали за вами судно, я тоже вас доставить не имею возможности. Мой корабль после сегодняшнего победоносного приключения едва держится на плаву. Придется мне искать стоянку на одном из ближайших островков. Бог весть, сколько времени займет ремонт в столь импровизированных условиях! Так что готовьтесь, вам придется разделить со мной все тяготы.

– Поверьте, вы несколько преувеличиваете вражду, якобы существующую между подданными Испании и Британии. Думаю, в данной ситуации я могу пригласить вас на Ямайку; в Карлайлской гавани вы найдете все, что нужно для настоящего ремонта. Кроме того, мне кажется, что в данной ситуации вы смело можете принять мое предложение.

Дон Мануэль молчал, взвешивая слова спасенного им англичанина. «Тенерифе» действительно был в угрожающем состоянии, хорошо, если удастся найти подходящий островок. Но кто может сказать, какие опасности ждут раненый корабль во время этих поисков. А до Порт-Ройяла не более суток ходу.

– Ну что ж, я принимаю ваше предложение и не сомневаюсь, что у меня не будет случая пожалеть об этом.

Энтони не понравилась последняя фраза испанца, но он предпочел не выяснять сейчас отношений, все же этот испанец как-никак был его спасителем.

Глава 4

Испанский гость

Охрана внешнего форта Карлайлской бухты могла и не знать о том чувстве благодарности, которое испытывал лейтенант Фаренгейт к капитану испанского галеона, поэтому ему пришлось на шлюпке подойти к берегу и объяснить коменданту форта майору Оксману положение дел. Весьма удивленный полученным сообщением, майор пообещал, что отвернется в момент прохода «Тенерифе», ибо, если перед его носом мелькнет этот проклятый красно-золотой флаг, он может не сдержаться. Кроме того, он немедленно пошлет человека с известием к губернатору, который, может быть, лучше своего сына разберется в том, как надо встретить подобного гостя.

Понимая, что с человеком по фамилии Оксман лучше не затягивать разговор о красных тряпках, лейтенант согласился.

Когда «Тенерифе», уже сильно накренившийся на левый борт, пришвартовался неподалеку от настороженных кораблей ямайской эскадры, его встречали все заинтересованные лица.

Дон Мануэль своим первым появлением произвел благоприятное впечатление на собравшуюся публику. Сказалась столичная выправка. Один из первых щеголей Аламеда появился в камзоле из плотного голубого шелка. Твердо ступая по трапу, придерживая длинную шпагу в золоченых ножнах, он вслед за Энтони спустился на набережную. Когда лейтенант представил его своему отцу, он снял с головы шляпу с великолепным красным плюмажем и отвесил церемонный поклон.

Энтони коротко рассказал о причинах этого столь необычного визита.

– «Тенерифе» нуждается в ремонте, на борту много раненых, – закончил он.

– Разумеется, вашему кораблю найдется место в наших доках, а вашим раненым – место в наших госпиталях. Распорядитесь, Баддок.

Капитан порта майор Баддок неохотно кивнул. У него, так же как и у майора Оксмана, было особое мнение насчет этого визита, но он предпочел его держать при себе, зная характер губернатора.

– Сэр, – обратился хозяин Ямайки к неожиданному испанскому гостю, – мы будем рады видеть вас у себя в доме.

Дон Мануэль вновь почтительно поклонился.

– Я столько слышал о вас, милорд. Это приглашение для меня – большая честь.

В экипаже отец и сын некоторое время молчали.

– Хорошо, что не ты был капитаном «Саутгемптона».

– Отец, ураган налетел так внезапно, мы едва успели задрать порты и убрать паруса. Сам дьявол не смог бы спасти корабль в такую бурю.

– Как ты думаешь, кто-нибудь еще остался в живых?

Лейтенант помолчал.

– Боюсь, что нет, и даже мое собственное спасение – чистейшая случайность. Я был в беспамятстве, когда меня вынесло на отмель.

Они опять помолчали.

– Извини, отец, но, может быть, не стоит нам в такой ситуации устраивать какие-то приемы?

– Все-таки не ты был капитаном «Саутгемптона»!

– У тебя опять испортились отношения с лордом адмиралтейства?

– Какими бы ни были мои отношения с этими хлыщами с Уайтхолла, я не могу отправить от порога человека, спасшего жизнь моему сыну, и, судя по всему, благородного человека.

– Да, – оживился Энтони, – я ведь сам рассказал ему о планах Биллингхэма на мой счет, ничто не мешало ему воспользоваться этим.

– Амонтильядо, насколько я помню, состоят в родстве с арагонским правящим домом. Он счел ниже своего достоинства опускаться до вымогательства. Впрочем, можно предположить, что им руководил более глубокий расчет.

– Можно, но не хочется.

– Ты прав, сынок. Я предпочитаю ошибиться в человеке, чем заранее не доверять ему. Но как государственный чиновник я вынужден подозревать худшее, чтобы его предотвратить.

– Я понимаю.

– На время присутствия здесь этого гостя нам придется усилить прибрежное патрулирование.

– Баддок охотно этим займется.

– Вот именно.

Когда экипаж уже въехал в ворота и остановился у ступеней губернаторского дворца, Энтони спросил: а где, собственно, Элен, она не заболела?

– Она спит. Я не стал ее будить в такую рань. Она последнее время плохо спит по ночам.

– Да, я не подумал, действительно, еще очень рано.

– Когда, ты говоришь, произошел этот шторм?

– Три дня назад. Ближе к вечеру.

Сэр Фаренгейт поджал губы и покачал головой. Итак, его опасения подтверждались. Именно в это время с Элен случилась неожиданная истерика.

Полковник Фаренгейт не любил балов и шумных массовых праздников, но понимал, что совсем от них отказаться в губернаторском быту нельзя. Устраивать их более-менее регулярно было частью обязанностей по его должности. Он собирал местную знать в день тезоименитства его величества и после окончания сезона дождей. Эта статья гражданского листа никогда не вызывала нареканий в Министерстве финансов. Когда подросла Лавиния Биверсток и пожелала перехватить пальму первенства в этом отношении, губернатор вздохнул с облегчением: если ваши фантастические богатства позволяют вам шесть-семь раз в год кормить и поить до отвала всю родовитую публику острова, ради бога!

В честь благополучного освобождения Энтони Фаренгейта из пиратских лап в губернаторский дворец были приглашены человек тридцать. Или самые близкие, или самые знатные. Роскошествовать не стали, ибо помимо удивительного спасения имела место гибель «Саутгемптона».

Гости собрались в большой овальной гостиной. Разодетый в красный шелк Бенджамен докладывал о прибывавших.

– Мистер и миссис Фортескью с дочерьми!

Фортескью были вторыми по богатству на Ямайке, правда, их состояние при этом многократно уступало состоянию Биверстоков, что заставляло их и ненавидеть Лавинию, и пресмыкаться перед нею. Надежды мистера Фортескью, что эта «сумасшедшая девчонка» после смерти отца все пустит по ветру или будет обманута каким-нибудь ловким проходимцем, все не оправдывались. По слухам, «сумасшедшей девчонке» даже удалось приумножить отцовское наследство.

– Мистер и миссис Стернс с сыновьями!

Заветной мечтой четы Стернс, тоже весьма состоятельных людей, было женить своих сыновей на дочерях четы Фортескью. Но эта мечта не совпадала ни с планами дочерей, ни с планами их родителей. Фортескью были побогаче, а кроме того, имели дворянские корни в Старом Свете. Стернсы были знатно исключительно местной.

– Мистер Хантер!

Старый, еще пиратских времен, друг губернатора, одновременно капитан флагманского корабля Ямайской эскадры. Он так же, как и сам губернатор, балов и приемов не любил, но по своему положению бывать на них был обязан. Сэр Фаренгейт лично всякий раз просил его об этом из желания увидеть в разодетой толпе хотя бы одно приятное ему лицо. Между тем физиономия капитана Хантера была украшена двумя страшными шрамами – от испанской алебарды и французской пули. Никто другой из старых друзей губернатора не мог быть приглашен в овальную гостиную дворца без того, чтобы не шокировать здешнюю публику, убежденную, что она является настоящим высшим светом. Да, впрочем, ни боцман, ни штурман и не рвались познакомиться с Фортескью или Стернсами.

– Мисс Лавиния Биверсток!

Все невольно обернулись. Дамы для того, чтобы посмотреть, как она оделась на этот раз – мисс Биверсток всегда являлась в новом наряде. Мужчины для того, чтобы полюбоваться еще одной красивой женщиной. До этого все взоры были, конечно, обращены на дочь хозяина, Элен Фаренгейт.

Недавно прибывший из Лондона с инспекционной миссией лорд Ленгли, сорокалетний толстячок с отечным лицом, с которым вежливо беседовал в этот момент губернатор, даже приятно растерялся: на кого же теперь смотреть? Кто же, черт возьми, из них двоих красивее?! Это сомнение высокого гостя могли разделить все мужчины, находящиеся в гостиной. Более того – все мужчины Порт-Ройяла.

Нежная дружба между двумя этими красавицами давно уже всем досужим мыслителям представлялась странной, если не противоестественной. Рано или поздно должен был появиться мужчина, из-за которого Элен и Лавиния столкнутся. Но кто это будет и когда, наконец, это произойдет?!

– Дон Мануэль де Амонтильядо и Вильякампа.

Кастильский кабальеро был замечательно хорош. Он выглядел еще интереснее, чем в момент знакомства с губернатором на пристани. Природная смуглость и мужественность облика в сочетании с благородной утонченностью манер, родовитейшим именем и подразумевавшимся за всем этим громадным богатством рождали впечатляющий эффект. В родовитости с ним мог соперничать только лорд Ленгли, а мужской статью – лишь Энтони Фаренгейт. Но экзотичность и новизна впечатления, которые ему сопутствовали, несомненно, на этот вечер отдавали пальму первенства испанскому гостю.

Неужели сегодня не дрогнет сердце хотя бы одной ямайской звезды?

Его высокопревосходительству губернатору пришлось уделить несколько минут дону Мануэлю. Они обменялись мнениями о погоде в здешних морях, что в разговоре моряков не выглядит формальностью. В данном случае этот разговор был наполнен дополнительным смыслом, ибо именно каприз погоды сделал, в конце концов, возможным визит испанского корабля в английскую гавань.

Лорд Ленгли на чрезмерное гостеприимство сэра Фаренгейта смотрел неодобрительно. Учитывая родовитость испанца и его ранг, разговор с ним высокопоставленного британского чиновника, каким являлся губернатор, вполне мог быть расценен как политическая неосторожность. Сам лорд Ленгли не пожелал быть представленным дону Мануэлю; стоя в сторонке, он любовался беседой двух красавиц и думал, что он напишет в своем отчете о беседе сэра Фаренгейта с его неожиданным гостем.

Дон Мануэль, видимо, почувствовав какую-то напряженность в поведении хозяина, предпочел побыстрее закончить «официальную часть». Он попросил представить его дамам – он знал, что в любом обществе возле них он будет на своем месте. При этом испанец слегка лукавил; он мечтал быть представленным не дамам вообще, а лишь вон той, белокурой и голубоглазой, но опасался, уместно ли так сразу обнаруживать свои намерения. В своих достоинствах он был уверен, он был лишь неосведомлен о правилах ямайского этикета. Не будет ли при-

дворная изысканность сочтена здесь чем-то весьма смахивающим на обыкновенную наглость? Как человек умный, дон Мануэль учитывал и такую возможность.

Сестры Фортескью, разумеется, покраснели при приближении смуглого франта. Разговорить их ему не удалось, несмотря на его безупречный английский, о чем он, отходя, не слишком сожалел. С миссис Стернс он поговорил о цветах. Цветы и цветники были ее страстью, и дон Мануэль сделал вид, что после их разговора они сделались и его страстью тоже. Супруга верховного судьи, худая старая карга, закашлялась в ответ на почтительнейшее приветствие, но даже ей досталась пусть и мимолетная, но вполне милая улыбка.

Лавиния наблюдала за перемещениями испанского гостя из глубины овальной гостиной и очень скоро поняла, кто является скрытой целью этого сложного маневра. И как только она поняла, в чем тут дело, она стала страстной союзницей дона Мануэля. То, что испанца сопровождает Энтони Фаренгейт, показалось забавным, хотя внешне выглядело просто естественным.

– Познакомьтесь, сэр, это моя сестра Элен.

Как уже неоднократно сообщалось выше, дон Мануэль был мастером великосветского обхождения, он только что, прогуливаясь по этой гостиной, выиграл похода несколько куртуазных дуэлей, не применяя и малой части известных ему приемов, и теперь собирался остаток вечера провести, приятно флиртуя с этой очаровательной англичанкой. Судя по его наблюдениям, за нею никто из присутствующих даже не пытался ухаживать. Странные люди!

– Спасибо вам, дон Мануэль, если бы не вы, Бог весть что стало бы с моим братом!

Она сказала всем известную вещь, но сказала так просто и искренне, что испанцу стало очень приятно.

– Судьба слишком великодушна ко мне, в обмен на то, что я сделал, а сделал бы это, не задумываясь, любой уважающий себя дворянин, я получил столь восхитительную награду.

– Что вы имеете в виду?

– Конечно, знакомство с вами.

Элен вежливо улыбнулась, и от этой улыбки кастильскому кабальеро стало немного неуютно. Элен показала, что понимает – ей делают комплимент, выразила улыбкою благодарность за это, но только и всего.

«Сейчас, сейчас, – успокаивал себя дон Мануэль, – она начнет со мной кокетничать, и все встанет на свои места. Куда это она смотрит?»

Элен смотрела в другой конец овальной гостиной, где Лавиния беседовала с Энтони. Лейтенанту совсем не хотелось покидать общество сестры, но юная плантаторша попросила его объяснить смысл аллегорических изображений на гобелене в углу залы. Энтони указанный гобелен рассматривал невнимательно, он несколько его не интересовал ни сейчас, ни вообще, и лишь чувство хозяина, обязанного служить гостю и особенно гостье, заставляло его поддерживать беседу.

– Признаться, мисс... – Дон Мануэль продолжал бороться за внимание Элен. – Я, как всякий столичный житель, пропитан ядом снисходительного отношения к провинции и провинциалам и, отправляясь в Новый Свет, был убежден, что попаду в гости к дикарям. Благодаря этой встрече я начинаю понимать, насколько был неправ. И, что самое интересное, я рад, что неправ.

– Что вы сказали? Ах да, провинция. Мне трудно говорить на эту тему, я не видела столиц.

– Это столицы не видели вас. Вы украсили бы любую из них. Честное слово!

Элен снова вежливо улыбнулась, по-прежнему глядя не на собеседника.

«Она сильно соскучилась по брату или эта черноволосая красотка так ее занимает?» – думал испанец.

– Ты слишком прямолинейный человек, Энтони, если не сказать – приземленный, – говорила между тем Лавиния.

– Если ты думаешь, что задела меня этим определением, то ошибаешься. Я именно таков, как ты говоришь.

– Никакие аллегории, никакие символы и сны тебя не занимают, правда?

– Я весь в отца в этом смысле.

Лавиния медленно поглаживала веером свой подбородок. Глаза ее потемнели от сдерживаемого гнева.

– Древние римляне по полету птиц, по трещинам на бараньей лопатке решали, быть битве или не быть. И если жрецы говорили «нет», то лихие рубаки вроде тебя обязаны были подчиниться.

– Ты опять меня хочешь уколоть, Лавиния, но, наконец, это обидно. Я слишком хорошо к тебе отношусь, чтобы быть объектом для демонстрации твоей учености.

– Энтони!

– Да.

– Посмотри мне в глаза.

Он посмотрел. Глаза и вправду были замечательные. Даже не совсем черные, если всмотреться. Они были темные, холодные и глубокие. И в этой глубине скрывалась какая-то сила. Непонятная и поэтому отпугивающая.

– Ну вот, посмотрел. Видишь, я делаю все, что ты захочешь. Согласись...

– Тебе не кажется, Энтони, что в самом ближайшем будущем нас ожидают очень большие перемены?

– Кого нас? Тебя и меня?

– Всех нас.

Энтони отклонялся. Лавиния присела на кушетку в углу овальной гостиной, как раз под тем гобеленом, который она просила ей растолковать. Возле нее сразу пристроились несколько молодых людей. Она почти не обращала на них внимания, их пустая болтовня и топорные комплименты не мешали ей наблюдать и размышлять. Больше всего ее интересовало, как идут дела у дон Мануэля. Его настойчивость вызывала у нее сочувствие. Если бы она могла, то попыталась бы ему помочь. А, кстати, что мешает попробовать? Глаза Лавинии сузились, это было признаком усиленного размышления, и подходящий план очень скоро составил у нее в голове. Причем произошло это как раз в тот момент, когда к интересующей Лавинию парочке подошел Энтони. Все правильно, надо дать возможность испанцу поволочиться за Элен, когда рядом не будет ее брата, для этой цели замечательно подойдет ее собственный дом. Каким образом отделаться на время от лейтенанта Фаренгейта? Лавиния продолжала лихорадочно размышлять. Глаза ее сверкали, и окружающим поклонникам казалось, что это их слова до такой степени ее волнуют. Обычно они все вились вокруг юной богачки по инерции, всерьез не рассчитывая на успех: Лавиния всегда лишь терпела их, не давая ни одному из них даже микроскопического повода для надежды. Сейчас же, подогреваемые видимостью успеха – как сверкают глаза! как вздымается грудь! – они утроили усилия. Очень уж роскошным рисовался результат этих усилий: красота Лавинии, оправленная в биверстоковские миллионы. Впрочем, для большинства из них на первом месте стояли миллионы, о чем догадывалась Лавиния и почему она их всех и презирала.

Мисс Биверсток резко оборвала их псевдосоловьиные трели, не подумав извиниться, и отправилась к выходу из гостиной. Нет, даже не так – она решила поболтать с дворецким, с этим громадным мулатом. Будь она хоть немного победнее или чуть менее красива, многие из ее воздыхателей сочли бы нужным обидеться. А так они просто удивились.

Очень удивился и Бенджамен, до этого убежденный, что мисс Биверсток смотрит на него в лучшем случае как на мебель, и уж, конечно, не представляет, как его зовут.

– Бенджамен, дорогой, – сказала она, подойдя к нему.

Старый слуга был не только удивлен в этот момент, но и польщен. Вообще-то в большинстве домов Порт-Ройяла практиковалось патриархальное, простое отношение к слугам, но ожидать этого от такой дамы, как мисс Лавиния, было трудно.

– Мне нужно кое-что узнать о твоём хозяине.

– О его высокопревосходительстве?

– Нет, нет, о сэре Энтони.

– Что именно, мисс?

– Он ведь служит и, стало быть, иногда выходит на патрульном корабле вокруг Ямайки?

– Точно так, мисс.

– Ты, наверное, знаешь, когда у него очередной выход?

– Безусловно.

– Я собираюсь устроить праздник у себя дома, и мне не хотелось бы, чтобы сэр Энтони его пропустил. А у него, ты, наверно, понимаешь, мне спрашивать о таких вещах неловко.

– Я понимаю, мисс, он выходит послезавтра на рассвете.

– Спасибо, Бенджамен. – Лавиния легко коснулась ладонью его атласного лацкана. – Ты мне очень помог. И вот еще что, лучше не рассказывать никому, о чем мы с тобой говорили. Это может быть неверно истолковано, в Порт-Ройяле много злых языков.

– Я понимаю, мисс.

– Поэтому ты сделаешь сейчас вид, будто я подходила к тебе всего лишь с просьбой принести мою мантилью, ладно?

– Слушаюсь, мисс.

Бенджамен тут же отправился выполнять приказание. Как только он вышел из поля гипнотического обаяния этой юной леди, у него в душе зашевелились непонятные сомнения. Он не мог понять, почему, хотя мисс Лавиния не заставила его сделать ничего дурного, он чувствует, что поступил не слишком хорошо. Он решил так, чтобы избавиться от всех этих сомнений: если почувствует, что данное им слово молчать вредит сэру Энтони, он его нарушит. В этом преимущество положения слуг – они могут по собственному желанию освобождать себя от гнета барских условностей.

Несмотря на все приложенные усилия, дону Мануэлю не удалось оказаться за столом рядом с Элен. Такая сложность этикета вынудила его оказаться рядом с черноволосой красавицей. Обменявшись с нею несколькими репликами, он понял, что она им интересуется. И ему стало привычно тоскливо. Она была хороша собой, ничего не скажешь, но красота ее на его кастильский, южный взгляд была слишком банальна. Лавиния напоминала ему красавиц его родины. Внешность Элен, чисто английская, как он считал, впечатлила его намного больше. Так получилось, что Элен оказалась за столом напротив него и он имел, таким образом, возможность и дальше убеждаться в правоте своего первого впечатления.

Рядом с нею сидел ее брат. Они весело беседовали. Эта беседа доставляла им такое неподдельное наслаждение, что дон Мануэль почувствовал себя уязвленным. Что, собственно говоря, может быть такого увлекательного в беседе с братом, черт побери! При этом сидящая рядом миллионерша требовала внимания. Будучи дворянином до мозга костей, он не мог ей отказать в этом, хотя едва не скрипел зубами, отвечая на ее вопросы.

Лавиния откровенно развлекалась, засыпая его самыми глупыми вопросами, какие только можно было вообразить. Временами они были так нелепы, что, отвечая на них всерьез, можно было обидеть собеседницу. Но дон Мануэль был всецело поглощен своим раздраженным интересом к паре юных Фаренгейтов и не чувствовал, что стал объектом легкого розыгрыша. К концу застолья он был в бешенстве и одновременно изможден своей сложной ролью.

– Вы не согласитесь прогуляться со мною по парку, когда мы встанем из-за стола? – хлопая роскошными ресницами, спросила Лавиния.

Призвав на помощь всю свою сдержанность, дон Мануэль кивнул в знак согласия.

В тропиках темнеет рано. Колоссальная луна низко-низко повисла над олеандровыми кронами. Посыпанные мокрым песком дорожки парка нежно серебрились. Широкая лунная аллея пересекала Карлайлскую бухту; изнывали от собственного усердия цикады; со стороны апельсиновых рощ плыли свежие, ласкающие обоняние ароматы.

– Напрасно вы хмуритесь, сеньор спаситель. Я вытащила вас сюда, чтобы поговорить о ваших делах.

– О каких именно? – насторожился дон Мануэль. Слишком резко изменился тон Лавинии, из беспечно-щебечущего он сделался деловым и почти жестким.

– Не будем играть в кошки-мышки, я, как и многие из присутствующих, отметила те усиленные знаки внимания, которыми вы одаривали дочь хозяина дома.

– Я нарушил какие-то неписанные правила?

– Нет, но кое-кого ваша настойчивость раздосадовала.

– Вы имеете в виду его высокопревосходительство?

Лавиния поправила мантилью на плечах.

– Как отреагировал сэр Фаренгейт, я не знаю, я не следила за ним.

– Тогда... – Дон Мануэль задумчиво потер горбинку своего носа. – Тогда мне ничего больше не приходит в голову.

Они стояли на берегу небольшого ручья, вытекавшего из родника, бывшего чуть выше по склону горы.

– А у вас не вызвало удивления то, как ведет себя по отношению к своей сестре сэр Энтони?

– Признаться... в некоторые моменты – да! – воскликнул дон Мануэль. – Но на что вы намекаете?

– Не на то, что вы сейчас подумали, это было бы действительно слишком.

– Но тогда в чем тут дело?! Я сейчас взорвусь, клянусь святым Бернардом!

– Ничего сверхъестественного, – мягко улыбнулась Лавиния, – тут даже никакой особой тайны нет. Сэр Энтони и мисс Элен – не брат и сестра.

Испанец молчал, осознавая смысл сказанного.

– Да, да, дон Мануэль, этот факт не в вашу пользу, но в вашу пользу то, что вы вовремя узнали об этом.

– И вы думаете, что между ними...

– Пока нет, Элен – моя ближайшая подруга и не скрывает от меня ничего, поэтому я могу говорить об этом уверенно.

– Но...

– Но, вы правы, надо спешить. Это началось совсем недавно – я имею в виду первые движения чувств. Барьер родственности, хотя и условной, все же дает себя знать. Они еще не успели объясниться, вы появились вовремя.

– Извините, мисс, но у меня складывается несколько другое мнение на этот счет.

– Вы намерены отступить? – с нескрываемым разочарованием в голосе спросила Лавиния.

– Нет, что вы. Как у всякого кастильца, у меня препятствия лишь подогревают азарт.

– Вот и прекрасно. И мы подошли к сути дела.

– Слушаю вас внимательно.

– Время у нас пока есть, но его у нас крайне мало. Нельзя дать их смутным намерениям кристаллизаться. Они пока не подозревают, что с ними происходит, и вторжение со стороны решительного, оформившегося чувства решит дело.

– Вы рассуждаете как убежденный седи́нами стратег.

– Я оценила ваш комплимент, но продолжим обсуждение плана, который я наметила.

– Конечно, конечно, мисс.

– Послезавтра утром Энтони на несколько дней покинет Ямайку. Вечером того же дня покинете Ямайку вы, по возможности не афишируя этого события, и встанете на рейде Бриджфорда, это такой городок в десяти милях от Порт-Ройяла. Там у меня есть дом, в котором я сделаю возможной вашу встречу с Элен. И вы получите шанс произвести еще одно наступление на столь привлекательную для вас крепость. Вы все поняли?

– Разумеется.

Лавиния еще раз поправила мантилью и оглянулась в сторону освещенного особняка губернатора.

– Вы, насколько я могу судить, человек опытный в подобных делах. Сердце провинциалки не должно быть слишком уж сложной добычей для столичного щеголя, притом богатого и привлекательного.

Дон Мануэль улыбнулся.

– Я тоже оценил ваш комплимент и должен, в свою очередь, выразить вам свое восхищение. Если бы я не был уже влюблен, я бы знал, что предпринять.

Лавиния насмешливо кивнула.

– А сейчас вернемся к гостям и займемся каждый своим делом. Я под каким-нибудь предлогом отвлеку Энтони, а вы действуйте, действуйте, действуйте! Сейчас все зависит от ваших слов.

Когда они уже поднялись обратно на террасу, с которой спустились в ночной парк, дон Мануэль сказал:

– Знаете, что мне осталось непонятным?

– Почему я вам взялась помогать против своей ближайшей подруги?

– Вы читаете мои мысли.

– Иногда это нетрудно.

– Но все же, мисс, почему?

– Поверьте, что я делаю это отнюдь не бескорыстно. То есть можете быть уверены, что я стану вам помогать, мне не надоест и я не передумаю.

Дон Мануэль низко поклонился.

Весь следующий день капитан «Тенерифе» занимался ремонтом своего судна. Повреждения оказались не слишком велики, в помощь испанцам была выделена команда портовых плотников. Дело продвигалось хорошо. Подгоняло гостей и желание поскорее убраться из этой гостеприимной гавани. Как гласит старинная кастильская пословица: дружба кошки с собакой не может быть очень продолжительной. Дон Мануэль подгонял своих матросов, хотя, как сказано выше, в этом не было необходимости. Его активные ухаживания за мисс Элен вполне могли привести к какому-нибудь конфликту. К какому именно, он не знал, но в любом случае хотел быть в полной готовности, то есть при более-менее отремонтированном корабле.

Атмосфера в губернаторском дворце была полна каких-то предчувствий и сомнений. И сэру Фаренгейту, и Энтони, и Элен было о чем поговорить друг с другом, и поговорить им очень хотелось. Сэра Фаренгейта волновало то, как развиваются отношения между его детьми. Как ни странно, никогда прежде он не рассматривал возможность возникновения между ними чувств отнюдь не братских, но значительно более интимных. Хотя, казалось бы, что могло быть естественнее? Двое привлекательных молодых людей, находящихся постоянно рядом, рано или поздно должны были заинтересоваться друг другом. Извиняло сэра Фаренгейта в его непредусмотрительности то, что его любовь к Элен была настолько полноценно отцовской, что временами он забывал, как эта белокурая девушка попала к нему в дом. Она была для него дочь, родная дочь, столь же родная, как и сын.

Мрачно вышагивал он по своему кабинету, предвкушение каких-то неприятностей и ощущение своего бессилия донимали его.

Энтони тоже не находил себе места. Правда, делал это в лежащем положении. На груди у него был какой-то французский роман, но читать, конечно же, молодой офицер не мог. Мешали ему неумоимо и безостановочно наплывающие видения. Все один и тот же повторяющийся сюжет: Элен беседует с доном Мануэлем, он рассказывает ей что-то смешное, она что-то отвечает ему, она даже улыбается. Сдержанно, но улыбается. Каждый раз, досмотрев до этого места, Энтони резко поворачивался на кушетке, и ни в чем не виноватый «француз» в очередной раз летел на пол.

Короче говоря, юноша испытывал классические муки ревности, оригинальность его положения заключалась в том, что испытывать их он ни в коем случае не имел права. Вернее говоря, не имел права отдавать себе отчет в том, что именно он испытывает. И более философская голова в этой ситуации могла пойти кругом, что же говорить о молодом неискушенном офицере?!

Наконец лежать ему стало совсем невыносимо. Энтони вскочил и, не зная, что подражает в этом отцу, стал расхаживать по комнате. Окна ее выходили в парк, в тот самый парк, где накануне происходила беседа заговорщиков – Лавинии и дона Мануэля.

На душе у Элен тоже было очень беспокойно. В отличие от Энтони она прекрасно понимала, что с нею происходит, но от сознания того факта, что она страстно, безысходно влюблена не в кого-нибудь, а в своего брата, на нее нападало отчаяние. Она догадывалась, что если между нею и Энтони что-то произойдет, то это очень удивит и огорчит отца. Она слишком любила его, чтобы думать о возможности такого огорчения спокойно. Ей не хотелось быть неблагодарной – а именно так почему-то оценивала она свою влюбленность в Энтони после всего, что для нее было сделано в доме Фаренгейтов. Она никогда бы не позволила своему чувству проявиться, постаралась бы похоронить его в своем сердце, когда бы не «лучшая подруга». Отдать Энтони ей Элен была не в силах. Данное Лавинии слово жгло ее. Она понимала, что участвовать в разрушении собственного счастья она не сможет, но и нарушить данное Лавинии слово она тоже не считала возможным. А просто наблюдать со стороны, как Лавиния будет плести вокруг Энтони свою паутину, было выше ее сил. Надо было что-то предпринять. Но все, что приходило ей в голову, могло только ухудшить ситуацию.

Обуреваемая всеми этими мыслями, Элен вышла в парк.

Энтони, увидев ее в окно, перестал мерять шагами комнату. Вид прогуливающейся сестры вызвал у него желание действовать. В конце концов он был офицером, человеком решительного действия. Ему более, чем кому-нибудь другому, невыносимо было пассивно валяться на диване или, заламывая руки, носиться от стены к стене.

Итак, решив поговорить с сестрой, лейтенант быстро спустился вслед за нею в парк. Сэр Фаренгейт тоже стоял у окна и отлично видел, как его сын Энтони, широко ступая по присыпанной гравием аллее, догоняет свою сестру, которая под защитой белого легкого зонтика направляется к той оконечности парка, откуда открывается отличный вид на город и бухту.

– Элен!

Она обернулась и остановилась, выжидательно глядя.

– Я хотел с тобой посоветоваться... – Энтони тяжело дышал из-за того, что пришлось пробежаться по жаре.

– Я слушаю тебя.

– Понимаешь, я подумал, что было бы неплохо пригласить к обеду дона Мануэля, ему, надо думать, тоскливо одному вечерами.

Элен пожала плечами.

– Пригласи.

– Но, с другой стороны, не слишком ли много внимания оказывается испанскому дворянину в доме британского губернатора? По-моему, у лорда Ленгли уже создается такое впечатление.

– Энтони, я тебя не узнаю, давно ли ты стал думать о таких вещах?!

– То есть ты настаиваешь на его приглашении?

– Я просто хочу сказать, что человек, спасенный кем-либо от гибели, никогда не будет осужден за внимание к своему спасителю. И это все, что я хочу сказать.

– Спаситель, спаситель, – пробурчал Энтони, – я уже начинаю слегка сожалеть, что стал объектом для проявления его благородства.

– Не сделался ли у тебя удар от солнца, братец? Что ты такое говоришь?!

– Я так и знал, что ты встанешь на его сторону!

Элен дернула плечом и пошла дальше по дорожке. Энтони догнал ее в несколько шагов и остановил, схватив за локоть.

Элен посмотрела на его возбужденное, покрасневшее лицо.

– Ты сходишь с ума, Энтони. Что с тобой?!

– Что со мной, что со мной? – Энтони нервно усмехнулся.

– Я вижу, что ты охвачен какими-то странными мыслями.

– Что ты хочешь сказать, сестрица? – с несвойственным ему ехидством спросил лейтенант.

– Что истинное благородство души испытывается чувством благодарности. А тебя, насколько я вижу, это чувство гнетет.

Брат склонился в ироническом поклоне.

– Думаю, вы попали в самую точку, мисс, разбирая обстоятельства моей сердечной смуты. Да, причина всех моих переживаний именно оно – чувство благодарности. Вернее сказать, размышления о том, насколько далеко следует заходить в следовании ему.

Сказав это, лейтенант резко развернулся и решительно направился к дому.

До Элен постепенно стал доходить смысл сказанных слов. Она даже попыталась окликнуть брата, но горло перехватило от волнения. Ей пришлось присесть на выступ скалы, чтобы отдышаться и привести свои мысли в порядок. Еще раз, по возможности холодно, взвесив суть сказанного братом, она пришла к выводу, что это было не что иное, как признание. Может быть, не полное, слегка завуалированное, но тем не менее это было оно.

Когда минут через двадцать Элен, более-менее совладавшая со своими нервами, вернулась в дом и попыталась разыскать Энтони, чтобы закончить объяснение, она узнала, что лейтенант уехал в гавань и велел сообщить, что переночует на корабле.

Затеппившаяся было радость Элен перешла бы в отчаяние, когда бы она узнала, что завтра утром корабль Энтони «Мидлсбро» уходит в плавание на целую неделю. Задержка их разговора с братом даже на несколько часов казалась ей чудовищной.

Сэр Фаренгейт, наблюдавший в окно за разговором своих детей, понял, что сам он не готов к тому, чтобы объясниться ни с одним из них. Как старый и опытный человек, он знал, что, если ситуация кажется неразрешимой, не надо пробовать решить ее, тем более немедленно, нужно довериться времени.

Губернатор подошел к столу и позвонил в колокольчик.

– Бенджамен.

– Да, милорд.

– Пошлите кого-нибудь в гавань к Хантеру с сообщением, что завтра ямайская эскадра выходит в полном составе на патрулирование.

– Вся эскадра, милорд?

– Вся. Нашим господам морским волкам пора встряхнуться, а то они опухли от рома.

Когда Бенджамен ушел, сэр Фаренгейт написал записку лорду Ленгли с предложением принять участие в учениях вверенного ему, сэру Фаренгейту, флота.

Глава 5

Итальянский вечер

Помимо огромного дома в Порт-Ройале Биверстоки обладали еще несколькими в разных городах Ямайки и на других островах. Один из них, расположенный на северном побережье острова, в небольшом городишке под названием Бриджфорд, Лавиния и решила использовать для осуществления своего плана. Бриджфорд находился милях в десяти от Порт-Ройала, на берегу уютной мелководной бухты. Дом Биверстоков, родовое их гнездо, возведенное около сотни лет назад Джоном Агасфером Биверстоком, было первым каменным строением в здешних местах. Городок вырос позднее, и у его жителей изначально сложилось уважительно-опасливое отношение к серому мрачному строению замкового типа. Ходили легенды про какие-то темницы и подвалы, устроенные сэром Сэмюэлем в подземельях родового гнезда. Хотя трудно представить и никто не мог объяснить толком, зачем бы эти темницы могли ему понадобиться. Постепенно, особенно после того, как Биверстоки переселились в столицу, мрачный образ бриджфордского дома стал бледнеть, хотя внушаемые им неприязнь и тревога так до конца не сумели выветриться из сердец местных жителей. Когда на улицах городка появлялся его управляющий, лысый метис по имени Троглио, с головою, как яйцо, дети разбегались, а взрослые старались раскланяться издалека.

Размышляя о том, как ему вести себя в следующий, решающий для него день, дон Мануэль отдал должное проницательности Лавинии, посоветовавшей перевести «Тенерифе» из Карлайлской гавани на рейд Бриджфорда. Если его ухаживания за Элен не принесут никаких результатов, возвращаться в Порт-Ройал ему не имеет смысла. Равно, впрочем, и в том случае, если ему все же повезет. Несмотря на всю радушность оказанного ему приема, испанец сильно сомневался, что отец Элен и особенно брат охотно пойдут на то, чтобы спокойно отдать ее ему, человеку слишком чужому, хотя и зарекомендовавшему себя с самой лучшей стороны. Надо сказать, что дон Мануэль понимал, что пускается в несколько сомнительное с моральной точки зрения предприятие, но считал, что любовь в конце концов все спишет. Если все сложится удачно и Элен станет его женой, он надеялся, что сможет объяснить сэру Фаренгейту мотивы своих поступков. О будущих своих отношениях с Энтони он предпочитал не думать. Прохаживаясь по полуяуту своего корабля, он думал о том, какая страшная вещь любовь, как она заставляет человека совершать поступки, несовместимые с представлениями о порядочности и даже чести.

Воспользовавшись общей суматохой, которая царил в порту в связи с внезапным отплытием всей ямайской эскадры, причем во главе с самим губернатором, что само по себе было явлением экстраординарным, «Тенерифе» тоже покинул Порт-Ройал. Благодаря вышеуказанным обстоятельствам на это отплытие особого внимания не обратили. И капитан порта, и комендант внешнего форта с самого начала относились к этому незапланированному визиту сдержанно.

Исчезновение «Тенерифе» было для них облегчением, и они посчитали, что оно совершилось по договоренности с губернатором. Расстроились, быть может, только те мулатки, с которыми успели перемигнуться испанские матросы и которым они назначили свидание этой ночью. Но что делать, капризы начальства часто вторгаются в любовные планы подчиненных.

Элен тоже была страшно удивлена внезапным отплытием всех своих мужчин. Тем более что совершилось оно без каких бы то ни было объяснений. Если действия Энтони она еще могла как-то понять, помня о последнем их разговоре, то молчаливая решительность отца представлялась ей абсолютно необъяснимой. Элен приходила в отчаяние, думая, что могла его чем-то обидеть или огорчить. Она отдавала себе отчет в том, что несомненная необычность

происходящего как-то связана с нею, и это не улучшало ее состояния. Разумеется, она даже не подозревала о той буре чувств, что бушевала в душе его высокопревосходительства. Ей казалось, что она была достаточно осмотрительна и никто не мог бы заметить, как за последние месяцы изменилось ее отношение к брату.

Единственным человеком, который был полностью доволен тем, как развиваются события в Порт-Ройяле, был лондонский инспектор лорд Ленгли. Он был убежден, что учения флота проходят исключительно с целью произвести хорошее впечатление на него в надежде на хороший отчет о нынешнем губернаторе острова.

Когда Элен получила письмо от Лавинии с горячей просьбой навестить ее, она колебалась недолго. Ей не хотелось проводить вечер дома и ужинать в молчаливом и уважительном присутствии Бенджамена. Она чувствовала себя обиженной отцом и братом и посчитала, что может разрешить себе развлечься. Да, она весело проведет время, пока они будут бороздить свои дурацкие моря, уговаривала она себя, но поддавалась этим уговорам с трудом.

Короче говоря, она велела закладывать коляску. Бенджамен сообщил ей, что ее уже ожидает карета, присланная мисс Лавинией. Эта деталь слегка кольнула Элен. Такой шаг не предусматривался местным светским этикетом. Можно было, правда, подумать, что таким образом проявляется дружеское нетерпение Лавинии. Элен решила не придирается к мелочам и велела Тилби подавать переодеваться.

– Ты поедешь сегодня со мной, – сказала она камеристке.

– Слушаюсь, мисс, – ответила та, тоже, в свою очередь, удивляясь. Это неожиданное решение нарушало ее планы. Ну что ж, решила она про себя, стало быть, помощнику повара Кренстону придется сегодня одному гулять под луной.

Недоумение Элен, появившееся при сообщении о присланной карете, перешло в раздражение, когда выяснилось, что ее с Тилби везут не в порт-ройяльский дом Биверстоков, а в бриджфордский. В письме Лавинии ничего об этом не говорилось. Элен посмотрела в заднее окно кареты и увидела там четверку конных вооруженных людей. Это была охрана. Жизнь на Ямайке была вполне спокойной, но люди богатые предпочитали за пределы города без охраны не выезжать. Так что ничего особенного в факте этого вооруженного сопровождения не было, но он сильно расстроил Элен. Она откинулась на подушки, размышляя о том, что, в сущности, разница между эскортом и конвоем не так уж велика. Она попыталась отогнать эти дурацкие мысли. В чем, собственно, дело? Она просто едет в гости к подруге. Ближайшей подруге, лучшей подруге. Что может угрожать?

– У меня плохие предчувствия, Тилби.

– Вообще-то мне полагалось бы вас утешить, мисс, но дело в том, что мои предчувствия не лучше.

Лавиния была столь рада появлению подруги, что Элен невольно смягчилась. Действительно, глупо дуться, когда твое появление вызывает такой восторг.

Оказалось, что приглашены «только самые близкие»!

Быстро темнело.

Дом был роскошно иллюминирован. В конце семнадцатого века в Европе это искусство только еще входило в моду и поэтому было в новинку. В таком оформлении даже мрачный биверстоковский особняк не выглядел слишком уж отталкивающе. Стол с закусками и фруктами был установлен во внутреннем дворе, вымощенном широкими каменными плитами. Рядом располагался круглый бассейн с фонтаном в виде каменной сирены, из раковины, зажатой в ее руках, и должна была стекать вода. Фонтан давным-давно бездействовал, но в бассейне стояла вода, в которой отражались новорожденные звезды и блики факелов, укрепленных по углам внутреннего двора.

Обстановка явно носила средиземноморский колорит.

Лавиния была во флорентийском платье с квадратным вырезом и кружевным стоячим воротником, в руках она держала веер, набранный из тонких пластинок слоновой кости, украшенных тонкой резьбой.

По сигналу хозяйки из темноты под сводами галереи показались музыканты.

– Ты перевезла сюда весь свой штат, – удивленно оглядываясь, сказала Элен.

– Отчего-то захотелось сменить обстановку. Правда, здесь хорошо?

– Я была здесь как-то... Но давно и днем. Без всех этих факелов и музыкантов.

– Представляю, насколько мрачным и унылым тебе показался наш старый дом, – засмеялась Лавиния, и что-то в ее смехе показалось Элен неестественным, наигранным.

– Признаться, да.

Долговязый и нагловатый сын банкира Хокинса, взявший на себя роль распорядителя этого вечера, осведомился у хозяйки, не пора ли начинать.

Лавиния оглядела присутствующих.

– Я больше, кажется, никого не жду, поэтому... – Она сделала разрешающий жест, музыка полилась, а они вместе с подругой медленно двинулись вокруг фонтана. Маленький оркестр исполнял что-то очень душещипательное, особенно выделялись на общем фоне страдания лютни. – Я решила, что для сегодняшнего дня более всего подойдет итальянская музыка.

– А что замечательного в сегодняшнем вечере? – спросила Элен.

Хозяйке отвечать не пришлось. Из-под сводов выводившего наружу прохода появился дон Мануэль. Свет факела то выхватывал его из темноты, то возвращал обратно, и можно было подумать, что испанец сомневается, стоит ли ему появляться на этом празднике.

Элен выразительно посмотрела на свою лучшую подругу, та сделала вид, что не понимает заключенного в этом взгляде вопроса. В конце концов, формально обвинить ее было не в чем, Элен не просила ее не приглашать этого человека.

Дон Мануэль медленно подошел к стоящим рядом дамам и, сняв шляпу, поклонился самым почтительнейшим образом. И сказал:

– Особенно ценит гостеприимство тот, кто вдали от дома, и особенно трогает человеческое участие того, кто одинок.

Элен поняла, что ее дурные предчувствия начинают сбываться. Она еще верила, что появление испанца на этом вечере – случайность. Ведь о нем ей не приходилось откровенничать с Лавинией и подруга не знает, до какой степени он утомляет ее. Ей сильно, нестерпимо сильно захотелось покинуть этот вечер. Лавиния обидится? Ну что же делать?! Всегда может случиться что-то вроде обморока, просто может сильно разболеться голова.

Кивнув дону Мануэлю, Элен направилась к столу якобы для того, чтобы что-нибудь съесть. При этом она лихорадочно перебирала в памяти известные ей симптомы подходящих болезней. Но она была не уверена, что сумеет сыграть как следует.

Музыканты закончили свою первую пьесу.

Дона Мануэля столь явная демонстрация невнимания со стороны предмета страсти несколько смутила. Он встретился растерянным взглядом с хозяйкой.

– Вы пасуете при виде самого первого препятствия? – спросила она.

– Я просто немного растерялся.

– У вас не так много времени, чтобы тратить его на пребывание в этом состоянии.

Насильственно улыбнувшись, дон Мануэль вежливо кивнул.

Музыканты вновь ударили по струнам. Испанский кавалер направился к столу. Элен, краем глаза увидевшая это, выронила апельсин, он прокатился по столу между бутылками и упал к ногам Джошуа Стернса. Тот кинулся его поднимать.

Дон Мануэль находился уже в семи шагах.

– Немедленно бросьте апельсин, – твердо сказала Стернсу Элен, – и пригласите меня танцевать.

Молодой человек соображал медленно, испанец приближался быстро.

– Ну же!

Наконец Джошуа Стернс повернулся на каблуках и поклонился мисс Элен более-менее подходящим образом. Она сделала изящный книксен, и они закружились.

Дон Мануэль пожевал губами, лицо его на мгновение окаменело.

Испанец поднял с пола апельсин, выроненный Элен, и он показался ему еще теплым.

Лавиния, стоя в отдалении от стола, нервно потряхивала веером.

Молодой Стернс решил развить свалившийся на его долю неожиданный успех.

– Мисс Элен, мог ли я предполагать, что такая девушка, как вы... то есть я хотел сказать, что такой человек, как я, вряд ли мог бы рассчитывать, что такая девушка, как вы... Вы меня понимаете?

– Нет. – Элен была совершенно безжалостна к своему невольному спасителю.

– Я просто хочу сказать, что если звезды оборачиваются таким образом, что некоторым образом их можно истолковать несколько лестно в мою пользу... так вот, если это так, то я готов. – Сумев-таки сформулировать непростую мысль, Джошуа просиял.

– Болван, – тихо и с самым серьезным выражением лица сказала Элен.

Джошуа Стернс задумался, не зная, есть ли способ это неожиданное заявление истолковать как-нибудь в свою пользу. Ведь говорят же влюбленные друг другу «дурачок», «дурашка». Может ли быть, что чувства губернаторской дочки к нему зашли уже так далеко? Он все же боялся ошибиться.

– Прошу прощения, хотелось бы мне изъяснить один момент, то есть – в каком смысле я болван?

– В самом прямом.

– В таком случае, я вижу, что у меня есть все основания обидеться.

– Попробуйте утешить себя тем, что, несмотря на то что я назвала вас болваном, вы очень нужны мне в данную минуту.

– То есть? – опять загорелся надеждою Стернс.

– Вы можете сопровождать меня и во время второго танца?

– Еще бы!

Во время второго танца Элен была с Джошуа намного мягче, и он снова воспрял в своих надеждах, что выражалось у него в неудержимой болтовне, как правило, глупой. Его приходилось терпеть как живую защиту.

Лавиния быстро поняла тактику подруги. Дон Мануэль смотрел на нее требовательно и удивленно, во время их последнего разговора она обещала ему реальную помощь и, несмотря на возникновение неожиданного препятствия, должна была попытаться свое обещание исполнить.

После примерно пятого танца Джошуа, по приказу Элен ни на шаг не отстававший от нее, увидев, что его прелестная спутница тяжело дышит, бросился к столу, чтобы принести чего-нибудь освежающего. Элен не успела его остановить. Этой его ошибкой мгновенно воспользовались два тайных союзника. Лавиния дала сигнал Хокинсу, чтобы он ни в коем случае не объявлял следующего танца, а сама решительно преградила дорогу Джошуа Стернсу, который с бутылкой сахарной воды и коробкой перуанских сладостей спешил к своей белокурой красавице. Дон Мануэль тоже не медлил, через мгновение он был рядом с Элен.

– Вы избегаете меня, мисс? Чем я заслужил подобное нерасположение?

– Вам показалось, я не избегаю вас, – тихо сказала Элен, стараясь не смотреть в сторону испанца.

– Но это обидно, если не сказать жестоко. Вы не можете не видеть, что со мною происходит. Я готов на все, чтобы хоть краем глаза увидеть вас. Думаю, что заслуживаю если не заинтересованного, то хотя бы снисходительного внимания.

– Не вижу – почему.

– Ну, хотя бы потому, что я не могу находиться подле вас вечно. Таков порядок вещей в этом мире, один человек не может вечно оставаться гостем другого, тем более если один человек испанец, а другой англичанин. И вот теперь мой корабль готов к плаванию.

– Вы ждете от меня каких-то слов в ответ на это сообщение, но могу сказать вам только одно – счастливого пути.

– Но почему, объясните, почему?! Насколько я знаю, вы не только не помолвлены, но даже не допускаете существования сколько-нибудь постоянных поклонников. Ведь это противоестественно!

Элен случайно повернула голову в сторону и увидела, что Лавиния беседует с Джошуа Стернсом и беседа у них протекает бурно. Так оно и было. Причиной неожиданного выяснения отношений послужило то, что хозяйка праздника велела Джошуа немедленно пригласить ее танцевать. Трудность положения юноши заключалась в том, что он, конечно же, обещал этот танец Элен. Но отказать Лавинии?! И вот теперь он прилагал все свои немногочисленные интеллектуальные способности для разрешения внезапного куртуазного казуса. Одновременно он по ходу этого разговора наполнялся ощущением собственной незаурядности. Еще бы, в течение одного часа две самые красивые девушки острова страстно нуждаются в его обществе! «Конечно, – лихорадочно носились его мысли, – Лавиния намного богаче, но Элен попросила первая».

– Так вы отказываете мне, мистер Стернс? – прожигая его взглядом, прошипела Лавиния.

– Вам, мисс Лавиния? Что вы, никогда! Я умереть готов, мисс Лавиния, умереть!!

– Было бы неплохо.

– Что вы такое говорите?!

– Так вы будете со мной танцевать, болван?

«И здесь болван», – тоскливо подумал Джошуа. Что им всем от него надо, если он болван?!

– Ваши последние слова, дон Мануэль, – негромко сказала Элен, – кажутся мне неискренними.

– Почему же?

– Мне кажется... – Элен снова посмотрела в сторону Лавинии и Стернса с его нелепой бутылкой. – Так вот, я думаю, что вы догадываетесь, а может быть, и прямо знаете, почему я не могу ответить вам взаимностью.

– Да. – Дон Мануэль опустил голову. – Да, я догадывался, что вы любите своего брата.

– И вы прекрасно знаете, что он является мне лишь названным братом. Я думаю, мисс Лавиния, моя лучшая подруга, успела вам рассказать и о том, что в свое время я была ее любимой рабыней.

Дон Мануэль ничего не успел ответить на это. К ним подлетел многострадальный Стернс, разрываемый двумя равно сильными желаниями: угодить одной красавице и ни в коем случае не обидеть другую. Он вырвался из-под гипноза хозяйки под предлогом того, что должен доставить мисс Элен воду, без которой она, вполне вероятно, погибнет. В спешке он весьма чувствительно толкнул испанца.

– Сэр, – раздраженно сказал тот, – вы не видите, что я разговариваю с дамой?

Юный плантатор, уже как-то привыкший считать эту «даму» в некотором смысле своей, возмутился:

– Позвольте, эта дама моя!

– Вы хам, сэр!

– Вы хам, сэр, – уже сухо повторил дон Мануэль, – и болван.

Это было уже слишком – третий раз за один вечер! Перуанские сладости и сахарная вода полетели к черту, Джошуа отпрыгнул в сторону, выволакивая свою шпагу.

– Дон Мануэль! – урезонивающе сказала Элен.

Тот горько усмехнулся.

– И даже в споре с этим болваном вы не на моей стороне.

Дуэль была очень короткой, испанец быстро проткнул плантатору предплечье. Он подобрал свою шляпу и, самым изящным образом поклонившись сначала хозяйке дома, а потом Элен, отбыл.

Праздник, естественно, был скомкан. Не то чтобы дуэли в эти времена были редкостью, в другой раз подобное событие могло бы пройти почти незамеченным. Но сейчас стало вдруг всем понятно, что веселья не получится. Невеселый замысел лежал в самой основе праздника.

Как только отбыл в Порт-Ройял кое-как перевязанный Джошуа Стернс, стали собираться и остальные.

Элен тоже хотела поскорее оказаться дома и как следует обдумать все происшедшее. Но она опоздала. Забыв о том, что своей кареты у нее нет, она не договорилась уехать ни с кем из явившихся из Порт-Ройяла гостей. А у кареты, которая привезла ее в Бриджфорд, разлетелось, как назло, колесо. Пришлось смириться с необходимостью остаться на ночлег в этом чужом, мрачном доме.

– Если хочешь, мы можем переночевать в одной комнате. Будет не так страшно, – предложила Лавиния.

Элен мягко, но решительно отказалась. И потребовала, чтобы в ее покои поставили кровать для Тилби.

Задвинув тяжелую щеколду на внутренней поверхности двери, обе девушки – и госпожа, и служанка, – не раздеваясь, улеглись на неразобранные кровати. Единственная свеча горела на подоконнике, скудно освещая мрачную, похожую на камеру комнатку.

Дом засыпал медленно. Где-то в глубине его вдруг заняла лютня, потом нытье перешло в пиликанье и стихло. Чьи-то башмаки тяжело прогромыхали по коридору. Залаляли собаки и долго не утихомиривались.

– Может быть, это не мое дело, мисс, – тихо сказала Тилби, когда в доме наступила полная тишина, – но мне сегодня совсем не понравилось поведение мисс Лавинии.

– К сожалению, ты права, Тилби. Как это ни тяжело будет признать, она просто-напросто завлекла меня сюда в ловушку и подстроила встречу с доном Мануэлем в надежде, что он сумеет уговорить меня бежать с ним или увезет силой, если я окажусь несговорчивой.

– И он пошел на этот сговор?

– Было заметно, что это ему не очень нравится. Но, по сути, что это меняет?

– Да, наверное.

– Знаешь, Тилби, кто такой дворянин? Это тот, кто делает гадости без удовольствия.

– Но что же его заставило остановиться, почему он не увез вас, как она его уговаривала?

– Он узнал, что существует препятствие, преодолеть которое он будет не в силах, увези он меня хоть на край света.

– Что это за препятствие, мисс? – Глаза Тилби загорелись, она была чудовищно любопытна, как и все нормальные слуги.

Вообще-то Элен была довольно откровенна со своей камеристкой, только самые глубокие тайники души держала она закрытыми от нее, равно как и от всех остальных. Но сейчас в этом темном враждебном доме, при мерцающем свете бессильной свечки она, наверное, не удержалась бы. Но тут раздался стук в дверь.

Девушки замерли.

Стук повторился.

– Элен, открой, это я, Лавиния.

– Я уже сплю.

– Открой, нам нужно поговорить, это важно для нас обеих, поверь.

– Я не верю тебе.

– Но ты же не знаешь, что я хочу тебе сказать.

– После того, что ты сделала, уже не важно, что ты скажешь.

Пламя свечи, которую принесла Лавиния, задрожало, выражение лица хозяйки дома сделалось мстительным, она выглядела в этот момент намного старше своих лет. Она сказала с извиняющейся интонацией:

– На свою беду, ты оказалась умнее, чем я думала.

– Что ты там бормочешь, подруга?

– Я говорю, что ты наверное, пожалеешь, что не согласилась сейчас со мною поговорить.

– Ты мне угрожаешь?

Лавиния сделала над собой усилие и ответила почти ласково:

– Ну, что ты, Элен, нет, конечно, мне просто жаль, что ты останешься в неведении и то превратное впечатление от сегодняшнего вечера, которое у тебя уже сложилось, утвердится. Разве не является долгом настоящей дружбы попытка немедленно разъяснить всякое возникшее меж подругами недоразумение?

Элен в некотором сомнении посмотрела на Тилби, та энергично помотала головой из стороны в сторону.

– И все же я хочу спать, Лавиния. А ты напрасно беспокоишься, никакого превратного впечатления у меня не сложилось. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – прошипела хозяйка.

Но этой ночи не суждено было быть спокойной. Не прошло и часа после этого разговора, и госпожа уже начала уставать от разговоров со своей служанкой (она так и не проговорила ей насчет Энтони), как в темноте и тишине тропической ночи раздался страшный грохот. Элен вскочила и подбежала к окну, тут же грохот повторился.

– Что-то происходит в гавани, – сказала она.

– Что же там может происходить? – прошептала Тилби.

Обе девушки подумали одно и то же – дон Мануэль, не перенеся испытанного давеча унижения, вернулся и громит ни в чем не повинный городишко, срывая испанскую злость. Вслух произнести эти свои мысли они не решились, даже им самим это предположение показалось слишком женским. Но никакого другого не было.

Когда грохнуло в третий раз, стало очевидно, что это стреляют залпами корабельные орудия. А трескотня, возникающая следом за орудийными раскатами, производится мушкетами и пистолетами.

Чьи это орудия? И чьи это мушкеты? В любом случае они не дружественного происхождения, кто-то напал на Бриджфорд. С какой целью нападают на города, спрашивать не приходилось. Но кто? Пираты? Испанцы? Французы?

Очень скоро девушки, стоявшие у окна, прижавшись друг к другу, догадались, что нападающие высадились на берег и всю хозяйничают там. Заполыхало несколько пожаров, слышался истошный женский визг.

До этого момента Элен и Тилби сомневались, стоит ли покидать дом – все-таки здесь каменные стены, обитые железом двери. А там темнота, джунгли, болота, змеи. Кроме того, за дверьми комнаты подстерегала встреча с Лавинией, Элен считала ее теперь способной на все. Но когда стало очевидно, что нападающие не собираются ограничиться погромом в порту, а намереваются ограбить весь город, они решились покинуть свое убежище и пересидеть нашествие где-нибудь в зарослях. К утру здесь наверняка появится порт-ройяльская полиция.

Осторожно они отворили дверь и, оглядываясь, чтобы избежать встречи с хозяйкой, спустились по каменной лестнице во внутренний двор. Несколько факелов еще коптило, небо бледнело. Элен помнила, куда надо идти, но спастись им с Тилби в этот раз было не суждено. Едва они направились к выходу, возле дома раздался крики и звучная, неповторимая испан-

ская брань. Неужели все-таки дон Мануэль? Раздался выстрел, заверещала раненая собака. На запертые двери обрушился град ударов. Через несколько секунд грабители будут здесь.

Элен и Тилби решили было подняться на галерею, опоясывающую изнутри двор, и поискать убежища внутри дома и даже сделали в сторону лестницы несколько шагов, но тут же замерли. На верхнем конце лестницы стояла Лавиния. Она стояла молча, опустив руки, но в ее позе и особенно в выражении ее лица было что-то настолько угрожающее, что девушки не посмели сдвинуться с места.

С грохотом рухнули ворота, и, сопровождаемые бранью, воплями, во внутренний двор ввалились пятеро или шестеро солдат. Увидев женщин, они выразили свое полное восхищение этим фактом и снабдили его набором самых омерзительных комментариев насчет того, что они сейчас с этими женщинами сделают. Они начали окружать Элен и Тилби, медленно образовывая живой аркан.

Трудно было бы представить дальнейшую судьбу мисс Фаренгейт и ее служанки, когда бы из-за спин озверевшей испанской солдатни не появился бородастый, лет пятидесяти человек в дорогой кирасе.

– Стоять на месте, негодяи! – крикнул он.

Налетчики нехотя повиновались.

– Разве вы не видите, ослы, что из себя представляют эти дамы? На выкуп, который мы за них получим, вы сможете получить в тысячу раз больше удовольствия, чем возьмете здесь и сейчас, задрав их юбки.

Ропот, бродивший в рядах, утих.

– Идите, обшарьте дом, не может быть, чтобы здесь не было, чем поживиться.

Лавиния медленно отодвинулась в тень, отбрасываемую колоннами верхней части галереи. Потом быстро прошла по узкому коридорчику в глубь дома. Оказавшись в небольшой комнате с камином, она сильно нажала на одну из львиных голов, украшавших каминную доску. Большая каменная панель бесшумно отодвинулась, и Лавиния скользнула в открывшуюся щель.

Несмотря на то что, казалось бы, чудом ей удалось избежать страшной участи стать пленницей озверевших испанских бандитов, выражение лица у нее было недовольное. Соперница лишь на время удалялась с пути. Сэр Фаренгейт сделает, разумеется, все возможное, чтобы выкупить свою дочь.

Глава 6

В семье не без урода

Нападение испанцев на Бриджфорд явилось полной неожиданностью не только для жителей этого небольшого, ничем особенным не отличившегося и ни в чем не повинного городка; оно удивило и сэра Фаренгейта, когда он услышал о нем. Именно так: сначала губернатор удивился, а уж потом разгневался. Никаких рациональных объяснений этой акции не отыскивалось даже при самом детальном рассмотрении. Но самое забавное заключалось в том, что даже его католическое величество, король Испании, когда ему примерно через три недели после происшествия доложили, что некий испанский капер атаковал одну из британских колоний, был весьма и весьма этим озадачен. Когда же ему растолковали, что нападение это было не просто удачным, но победоносным, он расхохотался, и в смехе его слышалось неподдельное удовлетворение. Довольно долго испанским морякам приходилось мириться с отрицательным балансом в столкновениях с английскими и голландскими кораблями.

Посланник его величества короля Англии Карла II лорд Бредли явился в Эскориал, неся за отворотом своего камзола ногу чрезвычайно нервного содержания. Там отмечалось, что Сент-Джеймский дворец и вся Англия возмущены этим «пиратским деянием, могущим возыметь слишком далеко идущие последствия». После самых недоуменных (а втайне самодовольных) восклицаний лорду Бредли были даны если и не исчерпывающие, то удовлетворительные объяснения и самые твердые уверения, что ничто подобное не повторится ни в коем случае, а все виновные в данном огорчительном эпизоде будут разысканы и наказаны самым суровым образом. Когда разговор уже близился к концу, военный министр его католического величества не смог удержаться от искушения сказать английскому посланнику:

– На мой взгляд, в этой истории есть темные места, милорд. Или белые пятна, как вам будет угодно.

– Что вы подразумеваете под словами «белые пятна»? – напрягся лорд Бредли.

– Насколько я знаю, на Ямайке очень сильная эскадра, чем же она занималась в то время, как одинокий капер грабил остров?

Лорду Бредли было очень неприятно отвечать на этот вопрос.

– Следствие еще не закончено, но, судя по всему, эскадры в этот момент на месте не было.

И военный министр, и король сочувственно покивали. Когда англичанин, несомненно посрамленный, вышел, они обменялись торжествующими взглядами. В конце семнадцатого века Испания уже утратила значительную часть своего бывшего могущества, но и Англия была отнюдь не готова к решительному выяснению отношений. Поэтому суровый вид лорда Бредли никого не испугал, любые слова политиков, не подкрепленные военной силой, всего лишь сотрясение воздуха.

– Кто этот смельчак? – спросил король. – Или, если хотите, кто этот сумасшедший?

– Его зовут дон Диего де Амонтильядо и Вильякампа, – ответил министр двора дон Алонсо.

– Амонтильядо? – удивился его величество. – Это приличная фамилия, мне служили многие из Амонтильядо.

– Вы абсолютно правы, ваше величество, дон Франсиско де Амонтильядо является алькальдом острова Санта-Каталана в тех местах. В Новом Свете, как говорят англичане.

– Не является ли этот налетчик его родственником?

– Родной брат, – тихо сказал военный министр.

– Н-да, а скажите, дон Эскобар, естественно, это мнение останется тут, среди нас... – Король оглядел придворных. – Что все-таки заставило этого дона Диего совершить столь дикую выходку?

– Вообще-то он является командором королевской службы, но полтора года назад вы уже подписали указ о лишении его всех... ну, проще говоря, ваше величество, подобные выходки – обычная вещь для дона Диего.

– Ах, да, да, да, человек необузданного нрава. Я еще, помнится, сказал, что держать на службе такого человека – все равно что подкармливать на кухне бешеную собаку.

– Вы заметили также, ваше величество, что затевать против него слишком уж активное дело тоже не в наших интересах.

– Вот видите, дон Алонсо, я, как всегда, оказался прав.

И военный министр, и министр двора, и все остальные охотно поклонились в знак согласия.

– Смотрите, как удачно все складывается! Этот дон Диего, оказывается, давным-давно отлучен нами от службы, но приносит короне больше пользы и, скажем так, своеобразной славы, чем иной строевой адмирал. А для лорда Бредли...

– Да, ваше величество.

– ...заготовьте копию того нашего рескрипта об отлучении дона Диего от должности.

– И немедленно переслать? – быстро спросил военный министр.

– Держать наготове, если наш «королевский капер» еще что-нибудь выкинет.

Если бы дон Диего де Амонтильядо и Вильякампа узнал о настроениях при испанском дворе, он, несомненно, приободрился бы. Дело в том, что уже давным-давно он считал себя потерянным для королевской службы, с которой он вынужден был уйти из-за своей совершенно неукротимой ненависти к этим «английским собакам». На политическом дворе стояло время компромиссов, все старались сохранить шаткое равновесие в Европе, люди типа дона Диего были крайне неуместны в свете новой уравновешенной политики.

Покинув ряды королевского флота, дон Диего на свои собственные средства снарядил несколько кораблей и продолжил войну с неудержимо растущим британским влиянием в Новом Свете. Он не считал себя пиратом, более того, он всерьез полагал, что его деятельность способствует восстановлению справедливости скорее, чем бесконечная лукавая болтовня политиков. В самом деле, если англичане позволяют себе натравливать на торговые испанские суда своих корсаров и при этом умывают руки, утверждая, что те действуют исключительно по своему разумению, а не по указаниям Сент-Джеймса, почему Испания должна отказывать себе в праве иметь такое же оружие, пару-тройку каперов, грабящих избирательно только английские и голландские суда? Придя к выводу, что его деятельность угодна Испании и Богу, дон Диего взялся за дело самым решительным образом и даже снискал уважение у своих собратьев по ремеслу с противоположной стороны.

Что характерно, и стиль размышлений дона Диего, и его выводы разделяли довольно многие из подданных католического величества. Одним из них был и губернатор Гаити. Помимо идейного родства их связывало и кровное, правда, очень отдаленное. Губернатор дон Брага сделал вид, что не замечает, как на южной оконечности его острова в одной из малолюдных бухт обосновался небольшой флот, занимающийся не вполне благопристойным промыслом.

Дон Диего неплохо обосновался, построив там пару фортов и прекрасный каменный дом в верхней части небольшого мыса. Платил он своим людям прекрасно – антибританское каперство приносило солидные доходы. Поселок начал постепенно превращаться в небольшой городок.

На Ямайку дон Диего собирался напасть уже давно и только скрипел зубами от невозможности сделать это: никто в этой части света не был способен соперничать с ямайской эскадрой без риска немедленно свернуть себе шею. И когда прилетел голубь от его шпиона, тор-

говавшего рыбой на набережной Порт-Ройяла, с сообщением, что эскадра в полном составе куда-то ушла, то дон Диего вышел в море, не медля ни минуты. В его распоряжении был всего лишь один корабль, тридцатипушечная «Сельта», два остальных сохли на берегу в ожидании ремонта. С такими силами, даже в отсутствие ямайской эскадры, нападение на Порт-Ройял становилось невозможным. Но у дона Диего был запасной план, по которому жертвой должен был стать Бриджфорд. Пусть удар по нему будет менее болезненным для Ямайки, но не менее оскорбительным для Англии. Этим умникам из Эскориала придется выслушать немало неприятных слов от английского посла, это уязвит их самолюбие, и тихая жизнь в столице станет для них несколько менее безмятежной. Единственной великой целью для дона Диего была большая, полномасштабная война с Англией. Он надеялся, что этот налет приблизит ее хотя бы на один шаг.

Волею обстоятельств спонтанная диверсия принесла приличные результаты. Помимо того, что испанцы за одну ночь грабежей набили трюмы «Сельты» самым различным добром, в руки дона Диего попала дочь губернатора Ямайки – верные сто тысяч выкупа. Эти планы на ее счет дон Диего и не думал скрывать от своей пленницы. Он поведал о них во время первого же завтрака на борту своего корабля, который спешил от берегов английской колонии в свое логово на Гаити.

– Сто тысяч? – переспросила Элен, брезгливо глядя на чашку шоколада, поставленную перед нею слугой.

– Именно, мисс, – бодро подтвердил похититель, крупный мужчина с обожженным солнцем лицом, на котором запечатлелись и следы боев, и следы кутежей. После этого он с наслаждением выпил стакан малаги и подкрутил пышные усы, которые вместе с острой бородой рыжего цвета являлись, кажется, его гордостью и предметом повышенного внимания. – Вас чем-то озадачила названная мною сумма? Не будете же вы утверждать, что отец не отыщет этой суммы для того, чтобы выкупить свою дочь?

– Мне в этой ситуации показалось интересным другое – какими разными людьми бывают даже самые близкие родственники.

Испанец поморщился.

– Не говорите загадками, мисс, терпеть этого не могу. – Дон Диего снова наполнил свой стакан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.